

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 4 (2319)

Суббота, 25 января 1947 г.

Цена 50 коп.

1 стр. Журнал «Лук» опубликовал интервью товарища Сталина с Эллиотом Рузвельтом.
Передовая. Высокая ответственность советского литератора. Советские писатели—кандидаты народа. Максим Рыльский. Комната Ленина в Праге (стихи).
2 стр. Кандидаты блока коммунистов и беспартийных. Георгий Шенгели. Большое сердце. Анатолий Шишко. Кандидат «Красного Сормова». С. Липкин. Подвиг и трудолюбие. Регина Янушкевичене. Всегда с народом. Александр Аборский. Первый романист Туркменистана. Самед Вургун. Верный сын Азербайджана. Эдгар Дамбур. Романтика труда и победы. Евг. Мозольков. Лирик и трибуна. Платон Воронько. Слово молодого избирателя (стихи).
3 стр. Павел Антокольский. Документ великого времени. Бор. Соловьев. Мир малых чувств. В. Герасимова. Немеркнущая молодость. Н. Гузлий. Хороший учебник. Ю. Давыдов. Книга о великом русском флотоводе.
4 стр. Ал. Сурков. Сын своего времени. А. Раскин. Моментальные биографии. Анатолий Глебов. Драма-тургия народов РСФСР. Информация.

Высокая ответственность советского литератора

Было время, когда писатели товодили по живой связи с читателем, по реальному, активному воздействию литературы на жизнь общества, народа, родной страны. Писатель пописывает, читатель почитывает... — сколько горячи были в этих словах! Крайняя узость, ограниченность читательской среды, невозможность для литературы пробиться в народную толщу рождала горькое сознание писателя, что все его волнение, его лучшие заветные мысли и чувства, — все то, что создается в трудной, напряженной вдохновенной тишине бессонных ночей, что накалывается в сердце художника, как итог многолетних поисков, жертв, радости и страданий бесстрашной мысли, — все это становится достоянием лишь немногих, подвергается «суду гласности», вызывает «смерть головы холодной» — дворняжеской, буржуазной черни, обывательского, самодовольного мещанства.

Чем более велик писатель, тем более страстно стремится он к тому, чтобы литература была необходима для жизни, как хлеб, как воздух. Чем крупнее художник, тем более серьезен и ответственен его взгляд на роль и задачи искусства в жизни родины, народа, тем более чужды и враждебны ему паразитические представления об «искусстве для искусства».

Литература должна иметь великие, вдохновляющие цели, должна отвечать читателю на вопрос: «Что делать?», должна участвовать в строении, в активном делании жизни, воспитании человеческого духа! Таково было убеждение великих, передовых писателей прошлого, и сейчас все претоны и возражения рождались писателю к народу, к активному творчеству истории.

Наша советская эпоха осуществила все лучшие мечты писателей о литературе, непосредственно участвующей в строении счастливой, разумной, справедливой жизни. Партия большевиков ценю героической борьбы создала такую реальную действительность социалистического общества, которая превосходит все самые смелые мечты мыслителей и художников прошлого о торжестве прекрасного и нравственного в самой жизни. Никогда еще не было поднята на такую высоту народ — творец и хозяин истории, никогда еще не было так ясно доказано всем духовным величием, всем творческим размахом, всеми жертами ярых советских людей, что, поистине, Человек — это звучит гордо! И никогда еще литература не имела такой широкой возможности активного участия в делании жизни, как в нашей стране.

Революционеры старших поколений воспитывались на таких образах, как Рахметов, герой знаменитого русского революционно-демократического романа «Что делать?». Им хотелось быть такими, как Рахметов! Но Рахметовы были в пору шестидесятых годов немногочисленным слоем передовых русских людей, выражавших лучшие свойства народа. В нашу советскую эпоху черты героя, подобный Павлу Корчагину, Олегу Кошевому, Зоя Космодемьянской, растворены в миллионах простых людей, воспитанных героической партией Ленина—Сталина. Есть немалая доля заслуги и нашей советской, партийной литературы в воспитании этих людей. Так участвует наша литература в творчестве жизни, в делании истории!

Любая, самая красивая, смелая, поэтическая мечта художника находит живой отклик у миллионов советских людей. Поэзия переходит в жизнь, потому что сама жизнь в нашей стране стала поэзией. Разве не замечательно, например, опыты чудесного советского писателя Аркадия Гайдара, который в своей книге о гимнуровцах поделился своей личностной мечтой, рассказал детям сказку, и еще при своей жизни испытал счастье увидеть, как его сказка стала живой действительностью, как родилось целое движение наших школьников, назвавшее себя по имени гайдаровских, выдуманных, но живых, реальных героев!

Задача идейного воспитания активных, сознательных строителей и создателей коммунистического общества приобретает первостепенное значение для нашей литературы. Эта задача является составной частью великого сталинского плана строительства коммунизма. Советская литература должна содействовать разрушению в сознании людей, в их повседневной работе, в их бытовых отношениях всяких закоренелых предрассудков, засоренных привычек, всех пережитков старого, тормозящих дело социалистического строительства, должна утверждать новое и передовое.

Советская литература справится со своими задачами воспитания борных, уверен-

ных, твердо знающих перспективу и цель своего строительства, преданных партии и народу создателей коммунизма, если наши писатели все глубже будут черпать свое вдохновение в живой жизни и труде советских людей, в бессмертных идеях ленинизма, в трудах корифеев науки—Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, в биографиях наших вождей.

Руководство Союза советских писателей, партийные писательские организации должны всемерно содействовать дальнейшему подъему идейного уровня всех работников литературных кадров в духе большевистских традиций, в духе ленинизма. Каждый деятель литературы, будь это видный, любимый народом писатель, или редактор издательства, работник журнала, критик, рецензент, должен быть по-настоящему представителем советской интеллигенции, неустанно расширяющим и обогащаящим свой идейный кругозор, изучающим глубоко изучающим теорию ленинизма, остро осознающим свою ответственность перед партией и народом. Для любого работника литературы должно стать правилом следовать тому требованию, которое предъявляет товарищ Сталин к нашим кадрам, — «чтобы каждый советский человек подвинул этого своей работы за каждый день, безостановочно проверял бы себя, анализировал свои недостатки и ошибки, обдумывал бы, как добиться лучших результатов своей работы, и непрерывно работал бы над своим совершенствованием» (доклад тов. А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинец»).

Особенно возрастает значение ведущей, авангардной роли литератора-коммуниста, который обязан, — на каком бы посту он ни находился, какой бы литературной работой ни занимался, — создавать вокруг себя атмосферу партийности, большевистской принципиальности, непримиримости ко всему чуждому в области искусства. Если бы это требование соблюдалось, то, конечно, не мог бы иметь места такой недопустимый факт, как напечатание католического рассказа А. Планонова «Семья Иванова» на страницах «Нового мира».

Любое обсуждение художественного произведения, любое писательское собрание должно быть школой большевистской идейности. Между тем, у нас еще иной раз скрывается аморфность, идейная вялость в работе наших писательских организаций, секций Союза писателей. Так, обсуждение некоторых пьес на собраниях секции драматургов характеризуется порою снисходительным отношением к идейным и художественным слабостям и недостаткам, как это произошло, например, при обсуждении пьесы А. Крона «Второе дыхание». Автор хороших пьес, занимавший первое место в нашем репертуаре — «Офицер флота», «Глубокая разведка», — А. Крон выступил на секции драматургов со слабой, непродуманной пьесой «Второе дыхание», дающей неверное представление об идейном и моральном облике советских людей. Участники обсуждения не нашли ничего лучшего, как заняться словословными, способными лишь повредить одаренному автору.

Литераторы-коммунисты обязаны поднимать идейный уровень всех оценок художественных произведений, принципиальности критики. Это необходимо для роста нашей литературы, ее молодых кадров, для воспитания принципиальных идейных критиков и хороших художественных вкусов у читателя, зрителя. Полноценным примером критики художественного произведения является на наш взгляд, творческая дискуссия в Союзе писателей о романе молодого талантливого писателя В. Некрасова «Сталитра» (мы имеем в виду общий тон и характер этого обсуждения, а не отдельные выступления). Без запугательства, без нежелания «сбавлять со счетов», в товарищеском, а не в приятельском духе автору было указано и на сильные стороны его романа, и на такие слабости, как недостаточная идейная насыщенность, известная идейная ограниченность его произведения. Именно в таком принципиальном духе должны вестись все творческие дискуссии и обсуждения произведений.

Высокая принципиальность, непримиримость к идейным слабостям, чуждым влияниям, вдумчивое, деторное, пристальное изучение сильных и слабых сторон художественных произведений, глубокое сознание ответственности за советскую литературу, за все, что мы делаем, — этого требуют от нас те великие цели, во имя которых мы трудимся.

За большевистскую идейность

НОВОСИБИРСК. (От наш. корр.). Недавно бюро обкома ВКП(б) обсуждало вопрос о работе журнала «Сибирские огни». Надя состоялось пленум Новосибирского горкома ВКП(б), посвященный задачам идеологической работы партийных организаций города. В докладе секретаря обкома по пропаганде тов. В. Корольова и в выступлениях участников пленума значительно внимание было уделено вопросам литературы.

Отмечены грубые политические ошибки, допущенные редакцией журнала «Сибирские огни». Наряду с удачными произведениями в первых трех номерах журнала за 1946 год появились слабые произведения. Большой ошибкой редакции является опубликование в журнале романа Ф. Олесова «Пропитание молча», дающего искаженное изображение советской действительности. В опубликованных главах романа И. Шухова «Метель» допущена идеализация кулацко-казачьего уклада. В поэстическом разделе журнала напечатано стихотворение Л. Мартынова «Найдя», свидетельствующее о сознательном игнорировании поэтом советской действительности и некорректном восхождении к старине. В журнале были помещены поли-

тичные и безидейные стихотворения и другие поэты.

Неудовлетворительным признан критический отдел журнала. Книга писателей-сибиряков не подвергалась серьезному разбору. Была отмечена слабость идейно-воспитательной работы среди писателей, их оторванность от жизни. Неудовлетворительно велась работа с молодыми авторами.

Бюро обкома и пленум горкома подчеркивают необходимость для писателей сосредоточить внимание на темах советской действительности, героического труда нашего народа по восстановлению и дальнейшему развитию социалистического хозяйства, на изображении лучших сторон и качеств советского человека, воспитанного партией Ленина—Сталина.

«Сибирские огни» — старейший литературно-художественный журнал в нашей стране. Он существует четверть века. В журнале начинала свою литературную деятельность Л. Сейфуллина, А. Каравая, Р. Фраерман, И. Уткин и многие другие. Бюро обкома ВКП(б) решило в марте 1947 года отметить юбилей журнала «Сибирские огни».

Журнал „Лук“ опубликовал интервью товарища Сталина с Эллиотом Рузвельтом

НЬЮ-ЙОРК, 20 января. (ТАСС). Журнал «Лук» опубликовал статью Эллиота Рузвельта, содержащую интервью с товарищем Сталиным, данное 21 декабря 1946 года. В статье приводятся ответы И. В. Сталина на 12 вопросов, заданных ему Рузвельтом. Приводим текст вопросов Рузвельта и ответов И. В. Сталина:

1. Вопрос: Считаете ли Вы возможным при такой демократии, как Соединенные Штаты, мирно жить бок о бок в этом мире с такой коммунистической формой государственного управления, которая существует в Советском Союзе, и что ни с той, ни с другой стороны не будет предприниматься попытка вмешиваться во внутривнутренние дела другой стороны?

Ответ: Да, конечно. Это не только возможно. Это разумно и вполне осуществимо. В самые напряженные времена в период войны различия в форме правления не помешали нашим двум странам объединиться и победить наших врагов. Еще в большей степени возможно сохранение этих отношений в мирное время.

2. Вопрос: Считаете ли Вы, что успех Обединенных наций зависит от соглашения по коренным вопросам политики и делам между Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами?

Ответ: Да, я так думаю. Во многих отношениях судьба Обединенных наций, как организации, зависит от достижения гармонии между этими тремя державами.

3. Вопрос: Считаете ли Вы, Генералиссимус, что важным шагом на пути к всеобщему миру явилось достижение взаимного экономического соглашения о взаимном обмене промышленными изделиями и сырьем между нашими двумя странами?

Ответ: Да, я полагаю, что это явилось бы важным шагом на пути к установлению всеобщего мира. Конечно, я согласен с этим. Распирение международной торговли во многих отношениях благоприятствовало бы развитию добрых отношений между нашими двумя странами.

4. Вопрос: Высказывается ли Советский Союз за немедленное создание Советом Безопасности Обединенных наций международного полицейского сил с участием вооруженных сил всех Обединенных наций, которые немедленно выступили бы всюду, где миру угрожали бы военные действия?

Ответ: Конечно.

5. Вопрос: Если Вы считаете, что Обединенные нации должны контролировать атомную бомбу, то не должны ли они это делать путем инспекции, установления контроля над всеми исследовательскими институтами и промышленными предприятиями, производящими вооружение всех родов, и мирным использованием и развитием атомной энергии? (В этом месте Элли-

от Рузвельт в скобках указывает: «Сталин немедленно задал мне вопрос: «Вообще?». Я сказал: «Да, по, в частности, согласно России в принципе с таким планом».)

6. Вопрос: Считаете ли Вы полезным созвать нового совещания Большой тройки для обсуждения всех международных проблем, угрожающих в настоящее время всеобщему миру?

Ответ: Я считаю, что должно состояться не одно совещание, а несколько совещаний. Если бы состоялось несколько совещаний, они послужили бы весьма полезной цели. (В этом месте Рузвельт в скобках указывает: «В этот момент моя жена спросила, думает ли он, что такие совещания способствовали бы установлению более тесных отношений на ниже стоящих ступенях между представителями соответствующих правительств. Она спросила также, было ли достигнуто такое положение в результате конференций военного времени. Сталин ответил, улыбаясь в ее сторону: «В этот момент никакого сомнения. Совещания военного времени и достигнутые результаты значительно помогли установлению сотрудничества на ниже стоящих ступенях».)

7. Вопрос: Сэр, я знаю, что Вы изучаете многие политические и социальные проблемы, существующие в других странах. Поэтому мне хотелось бы спросить Вас, считаете ли Вы, что выборы, происшедшие в Соединенных Штатах в ноябре, свидетельствуют об отходе народа от веры в политику Рузвельта, в сторону изоляционистской политики его политических противников?

Ответ: Я не настолько хорошо знаком с внутренней жизнью народа Соединенных Штатов, но, мне кажется, что выборы свидетельствуют о том, что нынешнее правительство расстраивает моральный и политический капитал, созданный покойным президентом, и, таким образом, оно облегчило победу республиканцам. (В этом месте Рузвельт в скобках указывает: «На следующий мой вопрос Генералиссимус ответил весьма подчеркнутно».)

8. Вопрос: Чему Вы приписываете ослабление дружественных связей и взаимопонимания между нашими двумя странами со времени смерти Рузвельта?

Ответ: Я считаю, что, если этот вопрос относится к связям и взаимопониманию между американским и русским народами, то никакого ухудшения не произошло, а,

наоборот, отношения улучшились. Что касается отношений между двумя правительствами, то возникли недоразумения. Произошло некоторое ухудшение, а затем поднялся большой шум и начали кричать о том, что в дальнейшем отношении еще больше ухудшатся, но я не вижу здесь ничего страшного в смысле нарушения мира или военного конфликта. Ни одна великая держава, даже если ее правительство и стремится к этому, не могла бы в настоящее время выставить большую армию для борьбы против другой союзной державы, другой великой державы, ибо в настоящее время никто не может воевать без своего народа, а народ не хочет воевать. Народы устали от войны. Кроме того, нет никаких понятных целей, которые оправдали бы новую войну. Никто не знал бы, за что он должен бороться, и поэтому я не вижу ничего страшного в том, что некоторые представители правительства Соединенных Штатов говорят об ухудшении отношений между нами. В свете всех этих соображений я полагаю, что угроза новой войны перелаяна.

9. Вопрос: Высказываются ли Вы за прямой обмен информацией культурного и научного характера между нашими двумя странами. Высказываются ли Вы также за обмен студентами, артистами, учеными, профессорами?

Ответ: Конечно.

10. Вопрос: Должны ли Соединенные Штаты и Советский Союз разработать политику, рассчитанную на долгий срок помощи народам Дальнего Востока?

Ответ: Я считаю, что это было бы полезным, если бы это было возможным. Во всяком случае, наше правительство готово проводить общую с Соединенными Штатами политику по дальневосточным вопросам.

11. Вопрос: Если между Соединенными Штатами и Советским Союзом будет достигнуто соглашение о системе займов или кредитов, принесут ли такие соглашения длительные выгоды экономике Соединенных Штатов?

Ответ: Система таких кредитов, беспорядочно, взаимно выгодно как Соединенным Штатам, так и Советскому Союзу. (В этом месте Рузвельт в скобках указывает: «Затем я задал вопрос, который вызывает явное беспокойство во многих странах Европы».)

12. Вопрос: Дает ли серьезное основание для беспокойства советского правительства тот факт, что в американской и английской зонах оккупации Германии не была проведена программа денацификации?

Ответ: Нет, это не является основанием для серьезного беспокойства, но, конечно, Советскому Союзу неприятно, что эта часть нашей общей программы не осуществляется.

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ—КАНДИДАТЫ НАРОДА

ГРУЗИНСКАЯ ССР

Кандидатами в депутаты Верховного Совета республики зарегистрированы: председатель Союза советских писателей Грузии Симон Иванович Чиковани, выдвинутый колхозниками Абашского района; поэт Илья Онисимович Мосашвили, выдвинутый колхозниками Кагретского района.

КАРЕЛО-ФИНСКАЯ ССР

Кандидатами в депутаты Верховного Совета республики зарегистрированы народная сказительница Быкова Фекла Ивановна по Пролетарскому избирательному округу № 27 Беломорского района.

МОЛДАВСКАЯ ССР

Кандидатами в депутаты Верховного Совета республики зарегистрированы: Кан Ион по Черепковскому избирательному округу № 32; Лупан Андрей Павлович по Жагурскому избирательному округу № 167.

ТАДЖИКСКАЯ ССР

Кандидатами в депутаты Верховного Совета республики зарегистрированы: писатель Улуг Зале Сатым по Ширинбулакскому избирательному округу № 50 Янванского района; Айна Сафардина по Юринскому избирательному округу № 165 Колхоз-Икенского района.

УЗБЕКСКАЯ ССР

Кандидатами в депутаты Верховного Совета республики зарегистрированы: Жапаков Науруз по Кунградскому избирательному округу № 316; Давраев Нажим по Караузякскому избирательному округу № 320.

ЭСТОНСКАЯ ССР

Кандидатами в депутаты Верховного Совета республики зарегистрированы: Якобсон Август Михелевич по Таллинскому избирательному округу № 17; Семер Иоганнес Гансович по Пыльтсаамскому избирательному округу № 73; Юрна Микхель Янович по Каркис-Нуускому избирательному округу № 78.

Кабардинская АССР

Кандидатами в депутаты Верховного Совета Кабардинской АССР зарегистрированы: министр просвещения, поэт Алим Пшимахович Кошеков по Сармаковскому избирательному округу; сказитель и народный певец Амерхан Асхадович Хавчаев по Кахунскому избирательному округу; председатель правления КСП республики Хачим Исхакович Теунов по второму Чемегскому избирательному округу.

Каракалпакская АССР

Кандидатами в Верховный Совет Каракалпакской автономной республики зарегистрированы: Жапаков Науруз по Коклюкскому избирательному округу № 130; А. Шамуратов по Ворошиловскому избирательному округу № 16; Кожуров Урунбек по Порлатскому избирательному округу № 88.

Татарская АССР

Кандидатами в депутаты Верховного Совета Татарской автономной республики зарегистрированы Кави Наджим, выдвинутый колхозниками сельхозартели Сабинского района.

Чувашская АССР

Кандидатом в депутаты Верховного Совета Чувашской автономной республики зарегистрирован председатель правления Союза советских писателей республики Эскель Аркадий Александрович, выдвинутый колхозниками сельхозартели Умарского района.

Якутская АССР

Кандидатом в депутаты Верховного Совета Якутской автономной республики зарегистрирован Сивцев Дмитрий Кононович по Намскому избирательному округу.

Максим РЫЛЬСКИЙ

Комната Ленина в Праге

В спокойных этих, тихих стенах, Под ясным солнечным лучом, Хранится отзвук слов нетленных, Произнесенных Ильичем.

Здесь для грядущих поколений В седом, прадедовском дому Горел, как светоч, великий гений, Веком преодолевший тьму.

И ум, и сила рук рабочих Встречались в комнате простой, Чтоб светлой правде гласить в очи И крику вызвать на бой.

И люди, что с любовью ныне Вступают на ее порог, Склоняются перед святыней, Чей путь великий в вечность лег.

Перевела с украинского Екатерина ШУМСКАЯ.

НА ВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ

Украина

КИЕВ. (От наш. корр.). 54 писателя Киева принимают активное участие в предвыборной кампании. Писатели-агитаторы, объединенные в агитколлектив, возглавляемый критиком Е. Аделембом, провели уже более 60 бесед с избирателями.

Каждую субботу в клубе писателей проводится вечер для избирателя. Уже состоялось четыре вечера, на которых с большим успехом выступили писатели П. Панч, Ю. Яновский, О. Вышня, В. Сосюра, С. Голубинский, Н. Ушаков, А. Шиян и др.

Ежедневно на агиткутке силами писателей выпускается стенная газета «Голос избирателя».

Участие писателей в избирательной кампании было посвящено открытое собрание парторганизации ЦСЛ. С докладом выступил Леоидий Дмитренко. Подробную информацию о работе киевских писателей, о подготовке к выборам в Верховный Совет УССР сделал секретарь парторганизации ССПУ т. И. Нехода.

Агитколлектив киевских писателей и агиткутка при клубе писателей по праву считаются лучшими в избирательном округе, носящем имя великого Сталина.

Литва

ВИЛЬНЮС. (От наш. корр.). В честь выборов в Верховный Совет Литовской ССР Союз советских писателей Литвы организовал цикл литературных вечеров. Состоялся встреча писателей со студентами Вильнюсского педагогического института. А. Венцлова прочел впервые переведенные на литовский язык стихи Пушкина, Некрасова, Н. Тихонова, Самеда Вургуня. Поэты В. Вальсоне и А. Жукаускас выступили с новыми стихами, посвященными родине. В. Сирюс Гира прочел свои стихи «Слово Сталина», «На площади Черняховского», «Ночь у памятника Пушкину» и др. Рассказы о жизни в Вильнюсе во время немецкой оккупации прочел писатель В. Жилионис. Фрагменты из своей новой комедии прочел И. Марцинкевичус. Поэссета Сусанна Мар прочтала переведенные ею на русский язык стихотворения Саломеи Нерис и А. Венцлова.

Большой литературный вечер состоялся в зале Вильнюсской госфилармонии. С интересом были выслушаны новые стихи В. Миколайтиса-Путинаса о дружбе советских народов. А. Венцлова прочел свои новые стихи, посвященные всенародному кандидату — великому Сталину. Стихи о народной учительнице — секретаре участковой избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет Союза ССР О. Сукачкене, звезде убитой фашистами националистами в начале февраля 1946 г., прочел В. Вальсоне. С чтением новых стихов выступили Э. Межелайтис, В. Сирюс Гира, А. Ишкаускас, Т. Тильянис. Писатель И. Марцинкевичус прочел отрывок из новой пьесы «Каволия».

Литературный вечер, посвященный выборам в Верховный Совет Литовской ССР, состоялся также в г. Каунасе. Вечере приняли участие писатели В. Реймерис, А. Хургинас, К. Рачкаускас-Вайрас и др.

Группа писателей в составе А. Жукаускаса, В. Вальсоне, В. Жилионис, В. Сирюс Гира, И. Марцинкевичус, Бутку Юзе выехали для участия в литературных вечерах в городах Тельшяи, Кретинга и Клайпеда.

Туркмения

АШХАБАД. (От наш. корр.). На очередном заседании правления ССП Туркменистана выступил член Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет ТССР Кара Сейтлея. Он рассказал о разветвлении агитационно-массовой работы в городах и аулах республики, о горячем участии в избирательной кампании советской интеллигенции.

Правление ССП Туркменистана привлекло к участию в предвыборной кампании всех писателей и народных шахилов Туркменистана. Известный народный шахир Ата Салих проводит беседы с колхозниками мургабских аулов, разъясняет Положение о выборах в Верховный Совет ТССР, читает лекции на своих стихах. Поэт Курбанурады Курбансахов возглавляет агитколлектив. В аулах и районных центрах Марыйской области активно работают драматург Бекте Пулмушев и поэт Акмухамед Аманов. Беседу с молодыми избирателями на паровозном ремонтном заводе провел поэт-переводчик В. Пермяков.

Из Ашхабада выехала в область большая группа писателей.

В Ташауз направлена Я. Насырли, в Мары — Пома Нурберды и Ата Каушатов, в Красноводск—Берды Солтанянов, в Кызыл — В. Пермяков. Они публикуют в газете материалы о работе на участках, об опыте лучших агитаторов, пишут очерки и статьи о росте хозяйства и культуры Туркменистана за годы советской власти.

Из очередного номера литературного журнала «Совет Эзбияты» подготовлены очерки о развитии промышленности и сельского хозяйства республики в годы сталинских пятилеток, о строительстве Большого каракумского канала, о народном искусстве ТССР.

Драматург — новатор

Миллионы советских людей знают Александра Евдокимовича Корнейчука и как драматурга и как государственного деятеля. Политика и искусство слиты в его жизни и творчестве органически, неразрывно. В драматургии он — тогда еще комсомолец, человек из народных глубин — сразу же выступил с острой политической темой. Его пьеса «Гибель Эскадра», получившая в 1933 г. премию на Всесоюзном конкурсе, до сих пор вспоминается, как мужественное, ярко талантливое произведение, как образец новой, жизнестроительной социальной трагедии.

«Платон Кречет», выдержавший испытание временем, доныне остается репертуарной пьесой не только в профессиональном, но и в самодеятельном театре. В этой пьесе раскрывается другая сторона дарования Корнейчука — мигкий лиризм, психологичность, умение видеть поэзию в буднях. Эта тональ-

ность звучит в таких произведениях, как «В степях Украины» и других его пьесах.

Сложная по композиции драма «Богдан Хмельницкий» обнаружила влечение драматурга к широким, монументальным историческим полотнам.

Корнейчук—художник непрерывно ищущий. Он новатор, верный в своем творчестве только одному стремлению: в каждом случае, в любом жанре сказать политически острое, правдивое, нужное слово, быть в самой гуще событий жизни, способствовать выполнению главных задач, стоящих перед народом, перед партией и государством. Это писатель-боец, большевик.

Когда на страницах «Правды» в грозные дни войны напечатан был «Фронт» Корнейчука, наши драматурги испытывали чувство гордости за свою профессию. Драматургия

оказалась оружием, которое можно приравнять по силе к крупным государственным или партийным решениям. Пьеса произвела огромное впечатление на фронте и в тылу своей прямотой, смелостью, правдивостью в постановке жизненно-важных для страны проблем. А. Корнейчук высоко поднял авторитет драматургии в нашей стране этой замечательной пьесой, удостоенной Сталинской премии.

Драматург действительного политического темперамента, Корнейчук проявил себя, как крупный организатор и политический работник, которому поручаются многие ответственные государственные посты.

Сейчас Корнейчук возглавляет украинский Союз советских писателей. Народ Украины вновь выдвигает его в свой Верховный Совет.

КАНДИДАТЫ БЛОКА КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ

Георгий ШЕНГЕЛИ БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

У Исаакяна есть поэма «Мгн из Сасуна»; в ней «работают» один из эпизодов древнего эпоса «Давид Сасунский». Богатырь Мгн, друг бедных и борца за их счастье, заточен в пещеру; лишь тогда, когда горе народа станет нестерпимым, он выйдет из заточения и совместно с народом победит врагов. Это в конце концов и свершится.

Под текстом поэмы даты: «Женева, 1919—Ереван, 1937». Глубоко знаменательные даты. Вспоминается давний эпизод: поэт небольшого поэму и не мог закончить ее. На чужбине, в годы изгнания, начавшегося в царское время, он не мог завершить оформление старинной сказки. И лишь возвратившись на родину, коснувшись ее древней земли, вновь увидев алмазный венец горы Алягз, о которой так тосковал он в стольких прекрасных стихах, застав, наконец, свой народ возродиться, свободным, счастливым, старый поэт уверовал в правду древней мечты, которая там, в Женеве, казалась беспочвенной и бесплодной, — закончил поэму.

Это одно говорит, насколько поэт близок своему народу. Это одно заставляет полностью верить прекрасным песням Исаакяна. А их у него очень много.

Большая жизнь прожита поэтом! Когда грянул взрыв на Екатерининском канале, — событие, которое кажется нам таким отдаленным, — ему было шест лет, и он мог уже детским сознанием ощутить отзвуки этого взрыва. Когда не закрывались двери московских моргов, набитых до отказа трупами распятыми на Ходякские жертвы царской коронации, за ним, юнцом, едва достигшим совершеннолетия, захлопнулись на два года двери царской тюрьмы. Взрослым мужем он отключился на годы 1905 года. А в 1911 году он вынужден был, преследуемый беззаконием царских законов, бежать за границу, отговарывая от родины, непосредственного общения со своим родным народом.

Еще совсем молодым Исаакян выпустил сборник стихов, сразу «ударивший по сердцам», быстро прокатившийся в народную толщу; многие стихи стали песнями и облетели всю Армению. Совершенные по мастерству и в то же время простые строки касались самых глубоких душевных переживаний. Родина ее красота, ее жизнь, ее страдания ее идеалы были той почвой, на которой выдвинулись стихи Аветика Исаакяна. Знаю на бумагу личные жалобы, поэт помнил и знал, что его раны —

...отражение скорби иной,
Вся скорбь земной.

Душевно связанный с ожившим народом, бесконечно многообразный и отзывчивый, поэт в бесчисленных вариантах говорил о своей любви, о своей разлуке, о своих снах, мечтах, отчаяниях, надеждах, и в каждом личном мотиве звучала струя народной лирики, в каждом женском портрете сквозил идеал красоты, каждое обращение к матери было возмездием, обращением к родной, тысячелетия сосуществовавшей иезионной гнет изымавшей под ятаганом турок, под нагаками царской реакции, под гнетом собственной царской верховщины.

Еще юнцом поэт остро ощущает:
Сердце мое — небесный овод,
Друга в нем все найдут,
Каждому в нем слово блеснет,
Каждый найдет приют!
И эта обращенность сердцем к народу, этот вечный отклик на жалобы и мечты родных патрист стали основой стихающей его поэзии в зрелые годы.

Но он — не сооператель, проходящий стороной, не резонатор отдаленных голосов. Если в «Гималайских горах» мечутся бури и грозы, он знает, он остро чувствует:

Там в их грохочущей ликуе бурей,
Мятное сердце, — там место тебе.

В стихах 1905 года он кричит: «прочь, мирные слова», он сам — меч заостренный, истинный вестник».

Много лет спустя он противопоставляет «историков» народным певцам, «гусанам». Первое —

Оплакивали Аластаня жестокосердую судью
И уповали неустанно, что бог услышит их
но вторые поступали иначе: мольбу...

Они на счастье нашей жизни сумели
в помыслы свой дух оберечь
И наготове за отчину выносили
мольбительный меч.

И когда читаешь его «песни ашуга» и другие стихи, часто коротенькие, часто «случайные», — беглые зарисовки мимолетных настроений, — всегда чувствуешь, что он, как и воспетый им поэт Маари, —

...мне к Солнцу, все к Солнцу летел, объяснял...

Настала новая эра для его народа. Войдя равноправным братом в семью советских народов, совершив в два десятилетия прыжок в социализм, армянский народ вновь призвал к себе своего поэта, чтобы старый певец, так долго скорбевший со своим народом, мог разделиться вместе с ним. Новые песни создавал поэт, не только веря, но зная и видя, что —

...Мой край ликует и цветет,
что вечно будет

...звучать, звучать, звучать!
В чудесных песнях — древая и велик —
Сердечный, вечно юный мой язык.

Меняются напевы Исаакяна. Темы скорби, темы отчаяния и скептицизма уступили место темам радости и радости. Мужественный труд, изменение пережитков старого уклада, гигантский хозяйственный и культурный рост древнейшего и в то же время юношески пламенного народа вдохновляли старого поэта, и он пишет прекрасные строки о свершившихся мечтах.

В эти годы «варьет», мастер, как именуется Исаакян в Армении, стал подлинным голосом своего народа, а написанные им стихи стали песнями советской Армении. Исполнилось юношеское предчувствие мальчика-поэта, писавшего на 16-м году жизни:

И песни стали петь они,
Те сладостные песни боги,
Что я сложил в былые дни,
Но также и песни радости...

Когда загорелась вторая мировая война, Исаакян мужественно глядел в будущее. Он выразил и свою личную и всенародную веру, обращаясь к Сталину:

И грянувшие мира — в твоих стальных руках,
Когда гитлеровские орды вторглись в священные пределы советской земли, Исаакян с исключительной силой зал в борьбу и пророчествовал победу. С его стихами бойцы-армяне шли в бой и побеждали. Сталинская премия первой степени была ошкеей его военным песням.

Народ любит стихи старого Аветика, любовь и его самого, его болюшую жизнь, любовь певучую душу. И вполне естественно единодушно желание избирателей Ереванского округа видеть Аветика Исаакяна среди депутатов верховного органа власти республики.

Анатолий ШИШКО
БАНДИДАТ „КРАСНОГО СОРМОВА“

Творческая биография В. Костылева, писателя интересного и своеобразного, не совсем обычного. Свой первый рассказ, написанный в 1903 году, девятинадцатилетний автор озаглавил «Мелкий случай». Это был сентиментальное повествование о том, как на московской улице раскопана загадочная иррациональная мостовая детей рабочего. Литературные достоинства рассказа были невысоки, но в нем угадывалось то главное, что определило творческий путь писателя: большая любовь к людям труда.

На корректуру одного из своих ранних рассказов В. Костылев как-то прочел категорическое запрещение цензора: «Снять! Чувствуется сильное влияние Горького». Сам того не зная, деизов дал высокую оценку произведению молодого автора. В. Костылев, как и многие начинающие писатели, испытал на себе мощное воздействие горьковского таланта. Молодой автор перенимался с великим писателем, получал от него советы и указания.

Горьковское влияние оказалось благотворным. Была безысходность в произведениях писателя сменилась твердой уверенностью в неизбежности победы революции.

После Октябрьской революции В. Костылев много и плодотворно работал в периодической печати, был политпросветработником, выступал и как драматург с пьесами для Сормовского заводского театра.

Журналистская деятельность помогла В. Костылеву собрать богатейший материал для его первого крупного произведения. В 1935 году Горьковское областное издательство выпустило его книгу «Хлебный штурм», в которой рассказывается о том, как под напором штурмового ветра Октябрь рухнул в глухих нижнегородских уголках колхоза, мелниково-печерская старина.

Последовательно, год за годом выходят в свет романы: «Питирим» и «Жрены» из эпохи Петра I и Елизаветы Петровны, историческое повествование о славном нижегородце Козьме Минине. В годы Отечественной войны В. Костылев приступает к работе над своим капитальным трудом — трилогией «Иван Грозный». Прогрессивная роль Ивана IV в борьбе русского народа за исконные русские земли, за выход к морю — такова главная тема трилогии.

Глубокое знание изображаемой им эпохи дало возможность автору разверить широкое историческое полотно. Порою только историк может оценить, какая большая, кропотливая, поистине исследовательская работа была предпринята при подготовке автором.

Горьковский облизполком отметил романы В. Костылева «Питирим», «Козьма Минин», «Москва в походе», «Море» премией имени А. М. Горького. За выдающиеся заслуги в области художественной литературы правительством наградили писателя орденом Трудового Красного Знамени. Недавно В. Костылев закончил роман «Снастилав встреча» — о первых годах становления советской власти в тех отдаленных районах Ветлужских лесов, где почти 30 лет назад автор, еще совсем молодым человеком, проводил среди населения революционную агитацию.

Коллектив завода «Красное Сормово» выдвинул В. И. Костылева кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР.

«Своими произведениями, — сказал выступивший на предвыборном собрании инженер Керичев, — В. И. Костылев помогает советским людям глубже познать величие русского народа, его борьбу за свою свободу и независимость».

Живительная весть коснулась каждого слуха вымирающего народа: в далеком Петроградском рабочем классе сверг неведомого «падишаха», русские большевики, Ленин и Сталин, несут избавление всем народам России от векового рабства! И люди вернулись на родину, чтобы припасть к источнику труда и благоденствия.

Среди вернувшихся была и семья Токомбаева. Его сын Аалы пошел по стопам отца: он стал членом. Но недаром гордится, как отметили наблюдательные исследователи, обладают умением «излагать свои мысли не только ясно и изычно, но и красноречиво». Юный чабан прислушивался чутким ухом к маминам и акымам и сам начал исполнять отрывки из древних эпосов, излагая их по-своему. Уже пошел о нем слух, что стихи его звучат, а в словах есть мед мудрости, и советская власть отпразднует его на учень в Ташкенте. Здесь, участвуя в партийной школе, задумал он свой первый роман, роман в стихах, принесший ему впоследствии прочную славу. Герой этого романа — киргизский народ, тот народ, чью трагедию поэт пережил еще ребенком на пустынях западного Китая, народ, возрождения и самодержавия которого он был не только свидетелем, но и деятельным участником.

Десять лет работал Аалы Токомбаев над первой частью романа «Кривые горы». Она стала настоящей книгой киргизского читателя, народной книгой. Новая жизнь родила новые понятия, нужные были народу, нужно было строить киргизский ли-

тературный язык. Эту задачу, с помощью своей товарищей-поэтов, выполнял старейшина киргизской литературы.

Аалы издал свыше тридцати книг на родном языке. Творчество его многообразно: он поэт, беллетрист, литературовед, баснописец, публицист, сказочник, критик, драматург. Поэзия для него — подвиг и трудолюбие:

Учи и нас, подвизьяк-трудолюб,
Как ты, гореть, как ты, сгореть,
говорит он, обращаясь к певцу-сольвоу. И вслед за этим очерчивает облик поэта — слуга народа:

Как мы прожили жизнь свою,
Что свершили в родном краю,
Пусть примером для поколения
Будет наша доля в строю.

Помышлют нашей судьбе,
Скажи сложот о нашей борьбе,
«Будем жить, постоим, как братья» —
Скажут ныне потомки тебе.

Чени о нас акыны сповют,
Музыкалтыны они создалут,
Пусть о нас мудрецы расказуут —
Этот будет Почет и Саламат!

Плакат работы Г. Шубиной, выпущенный издательством «Искусство» к выборам в Верховный Совет Киргизской ССР.

Регина ЯНУШКЕВИЧЕНЕ

Всегда с народом

Есть писатели, о которых говорят, что узнать их — значит полюбить. В полной мере это относится к Пятрасу Казимировичу Цвирика. Крестьянин по происхождению, учитель рисования по профессии, Цвирика стал подлинно народным писателем Литвы.

Уже ранний сборник его стихотворений «Первая обедня» (1928 г.) своей революционной тенденцией вызвал широкий отклик у читателей. Буржуазная цензура конфисковала его. Несмотря на строжайший запрет, книга Цвирика тайком передавалась из рук в руки.

Творчество Цвирика очень разносторонне: он писал стихи и сказки для детей, и острые сатиры, и бытовые рассказы, и романы. В 1934 году вышел его многотомный роман «Фрэнк Крукс», в котором писатель ясно высмеял литовских дельцов в Америке и дал серию острых сатирических портретов. Роман имел вполне заслуженный успех.

Талантливый изобразитель крестьянского быта, Цвирика в любви, казалось бы, незначительном рассказе не только прекрасно рисует внешнюю среду и характеры людей, их психологию, но и находит для этого свои выразительные краски, но и умеет, изображая любовное событие, подчеркнуть его социальный смысл.

Бедная, не выдвигавшая счастья батрачка (рассказ «Оле»), крестьянин, оказавшийся без земли, владения сменочной аграрной реформы (рассказ «Дуб»), сирота-примем, тайком покидающий примотину его семью пролетарием, сознавая, что лишится род создает безаходное положение для его благодетелей, и многие другие, написанные с потрясающей реалистичной силой образы предстают перед читателем как образы, разоблачающие антинародную эксплуататорскую сущность, низость и жестокость сменочного режима.

Чудесны рассказы Цвирика для детей, его сказки, построенные на мотивах фольклора. Сочный юмор и образность переплетаются в них с глубоким лирическим чувством. Жаль, что до сих пор Петрис не обратил внимания на эти произведения Цвирика и не издал их на русском языке.

Но одной большой творческой удачей Цвирика является его роман «Земля-коринтияна», в котором он обнажил социальные корни земельной реформы в независимой Литве. Роман переведен на русский, латышский, английский языки. Сметочной цензурой книга была сильно изуродована и только в советской Литве она издана полностью.

В настоящее время Пятрас Цвирика работает над большим романом о новых путях литовского народа, о его дружбе с великим русским народом.

П. Цвирика не только видный писатель, но и крупный общественный деятель. Двадцатилетним юношей Цвирика становится активным сотрудником прогрессивного журнала «Грянец фронта». В 1933 году он был избран в члены правления общества по изучению культуры народов СССР. За свои симпатии к Советскому Союзу и выступления против сменочного режима Цвирика подвергался резким нападениям со стороны реакционного лагеря.

Всей силой своего честного сердца Цвирика приветствовал утверждение в Литве советской власти, власти народа, которому он отдал свой талант и труд.

В 1940 году Цвирика вступает в ряды коммунистической партии. В годы Отечественной войны он много и плодотворно работает во имя победы над ненавистным врагом, пишет рассказы, очерки, выступает по радио на литовском и русском языках.

В это время в Москве выходит сборник статей Цвирика «Карающая рука» и антифашистская сказка «Серебряная пуля». Литовский народ любит и высоко ценит своего писателя. Цвирика — депутат Верховного Совета Литовской ССР и член Президиума Верховного Совета Литовской ССР первого созыва.

Цвирика оправдал доверие своего народа, и сейчас избиратели вторично выдвинули его кандидатом в депутаты Верховного Совета Литовской ССР.

Александр АБОРСКИЙ

Первый романист Туркменистана

Молодым человеком Берды Кербабев приехал из тежеского аула в Ашхабад, столицу Туркмении. Это было вскоре после окончания гражданской войны. Он стал работать в газете «Совет Туркменистана», затем в юмористическом журнале «Токмак», в журнале «Новый аул», издававшемся под его редакцией до 1930 года; здесь опубликованы его юношеские стихи.

С начала литературной деятельности Кербабева прошло почти 25 лет. Писатель выпустил за это время более тридцати книг, но первый перевод на родной язык до сих пор произведений русской литературы, в том числе «Мать» Горького, «Поднятую цепь» Шолохова, «Горе от ума» Грибоедова, Большой цикл пушкинской лирики, поэмы Некрасова, басни Крылова, много революционных и народных русских песен. Он первый взялся за собиране и научное изучение наследия великого туркменского классика Махтум-Кули, подготовил и издал большой сборник всех известных его стихов. Этот сборник положил начало дальнейшим публикациям и исследованиям о Махтум-Кули.

Кербабев создал немало произведений, значительных по своим художественным достоинствам. Его поэмы «Аму Дарья», «Женский мир» читались с интересом во всех уголках Туркменистана. Пьесы Кербабева «Подзем», «Махтум-Кули», «Сын народа», «Хурлукча и Хемра» на года в год шли на сценах ашхабадского государственного театра имени Сталина и областных театров республик.

Роман Кербабева «Решающий шаг» —

первый роман в Туркмении, написанный прозой. Начало романа вышло в Туркменистане отдельной книгой до войны. Второй том завершил на днях. В 1947 году выдут в свет оба тома романа, составляющие до сих пор печатных листов.

Произведения Кербабева выходили в переводах на русский, украинский и языки других братских республик. 53-летний Берды Кербабев сейчас полон творческих замыслов и планов. Своему народу он хорошо известен не только как писатель, но и как неумтомный общественный деятель.

С начала Великой Отечественной войны Берды Кербабев — председатель правления Союза советских писателей Туркменистана.

Зимой 1942 года писатель ездил на фронт в составе делегации, посланной трудящимися Туркмении, — он отозвался поларкой бойцам Действующей армии. Результатом поездки явились новые произведения, в том числе патристическая поэма о туркменской девушке «Айлар» и пьеса «Братцы».

Правительство наградило этого большого писателя орденом Трудового Красного Знамени, присвоило ему почетное звание заслуженного деятеля искусства. Велик творческий актив Кербабева во всех жанрах родной туркменской литературы, и он счастлив, как писатель, положивший начало новому важнейшему жанру — прозе. Зоркость общественного работника всегда помогала обильно его творческим раскрытиям. Кандидатура Кербабева в депутаты Верховного Совета Туркмении выдвинули его читатели, его друзья — туркменский народ.

Перевел с украинского Александр ОУСЛЕЙДЕР.

Евг. МОЗОЛЬКОВ

Лирик и трибун

Двадцать два года тому назад в небольшом белорусской деревне Путылковичи, недалеко от города Ушачи, происходивший выделю председателем сельсовета. Деревенская молодежь назвала имя своего вожака, секретаря комсомольской организации Петрус Бровка. В деревне хорошо знали Петрус, выходя из бедной крестьянской семьи; в детстве он за мизерную плату работал пастухом у кулака. Петрус жадно врался к свету, знания, вел за собой молодежь, горячо отстаивал интересы тружеников деревни. Крестьянам пришлось по душе эта кандидатура. Девятинадцатилетний юноша был избран председателем сельсовета.

Сейчас Петрус Бровка один из любимых поэтов белорусского народа, выдвинул кандидатом в депутаты Верховного Совета БССР. Большой путь прошел он вместе со своей страной, путь напряженного творческого труда, борьбы, роста. В 1926 году по вызову комсомольской организации Бровка едет на газетную работу в Полоцк, — здесь начинает он писать стихи. Спустя два года он студент Белорусского государственного университета.

О направлении его поэзии лучше всего говорит название одной из ранних его книг — «Дыхание будни» (1932 г.). Это стихи о социалистическом соревновании, о советской молодежи, о Красной Армии, о Ленине. В книге «Земля» (1937 г.) Петрус Бровка выступает уже, как артельный поэт с отчетливо выраженной индивидуальностью. В его стихах страстность трибуна, ораторские интонации сочетаются с глубоким лиризмом, напевностью и мелодичностью стиха. В годы, предшествующие войне, он становится одним из наиболее популярных поэтов Белоруссии.

Петрус Бровка унаследовал лучшие черты поэзии классиков белорусской литературы Янки Купалы и Якуба Коласа: искренний, глубокий патриотизм, реализм и народность. Писатель и ярко, и подкупающе теплотой рвет он внутренним миром, чувства и мысли передовых людей нашей страны. В большой поэме «Катерина» Бровка показал жизненный путь рядовой белорусской крестьянки. Дочь батрака Катерина рано узнала нужду и горе. Победа советской власти, колхозного строя принесла ей счастье; самоотверженным трудом она завоевывает всеобщее уважение, становится знатным человеком страны. Заключительные главы поэмы посвящены встрече Катерины с товарищем Сталиным в Кремле.

С первых дней Великой Отечественной войны Бровка работает в фронтовой газете «За советскую Беларусь», его стихи появляются в «Правде», печатаются по радио. Всеми своими чувствами и мыслями он с героическим белорусским народом. Замечательные качества родного народа с большой поэтической силой выразил Бровка в лучших своих стихах и поэмах: «Партизан Вумажок», «Кастусь Калиновский», «Рана», «Беларусь», «Минск», «Дума про Москву» и др. В простях и сухих словах рисует Бровка образ народного мстителя:

Как вихрь неуемный,
Он едет тути непрестанной,
Он невольно в колхозе
Он тракторной пашней колхозной,
С полудня детства
Волна по волне колхозов,
Не испугался
Новой грозной непогоды!
В ротах зела он не вестил!
Он ушел с партизанами вместе,
По всей Белоруссии
Ветер валил о нем вестил!

В самое трудное время перепет стихов Бровка уверен в победе, полны решимости бороться до конца, до последней капли крови.

Восею поэту своего не покинул
До тех пор, пока враг не уйдет за предел,
Сын растет у меня, и обаяя и смену
Все слова переветь, чем я прежде вдалел.

Возвратив вместе с Красной Армией в Минск, поэт услыхал от земляков тяжелую весть: его мать зверски замучена фашистами в Освенциме, две сестры угнаны в фашистское рабство.

Поэма Петрус Бровка «Сный Кут» написана вскоре после освобождения Минска. В ней — неистребимая воля к жизни, к борьбе, — воля, которую ничто не может поколебать, — ни скорбь о тяжелых утратах, ни сознание трудности предстоящих задач. Тема восстановления, намеченная в поэме «Сный Кут», развивается в новых стихах Бровка и в поэме «Хлеб».

На великой строке новой прекрасной жизни Петрус Бровка, поэт-большевик, не покидала рук трудится плечом к плечу со всем героическим белорусским народом, которому он отдал «всею свою звонкую силу поэта, весь свой талант».

Страстные газетные статьи Лависа, его военные рассказы, дышавшие ненавистью к врагу и любовью к советской родине, морально вооружали фронтовиков.

В пьесах Лависа «Невестка» и «Победа», в ряде его рассказов («Синюя старода Крузе», «Случай в море» и др.) показана героическая борьба лучшей части латышского народа против оккупантов, бесчестно изобличается полное предательство буржуазных националистов, их грязные сделки с иностранными империалистами.

Крупнейшее произведение Лависа — его эпопея «Буря». Две первые части вышли уже отдельным изданием и переводятся на русский язык, третья часть печатается в газете «Линия» («Борьба»). Наряду с «Зеленой землей» Андрея Упита «Буря» — выдающееся явление латышской советской прозы, первый большой роман, дающий верное освещение событиям последних лет.

Вилс Лавис вместе с латышскими бойцами, ответственными партийными и государственными работниками возвратился на свою родину, когда на полях Латвии и Видземе еще гремели пушки. В освобожденных областях Латвии сразу началась кипучая работа по восстановлению сожженных фашистами деревень и разрушенных городов.

За короткий срок была восстановлена Кегаумская ГЭС, начали работать промышленные предприятия, было восстановлено железнодорожное и трамвайное сообщение. Сегодня в Латвии снова дымят фабричные трубы, через реки пролетают железные мосты, и на месте разрушенных и сожженных домов воздвигаются новые красивые здания, то в этом заслуга и председателя Совета Министров Латвии, писателя Вилса Лависа.

Труднейшее Латвии в прошлом году единогласно избрал своего любимого писателя в Верховный Совет СССР.

Вся жизнь и деятельность Вилса Лависа является примером верного служения народу. Цена его, трудящегося Риги вновь выдвигают его кандидатом в Верховный Совет Латвийской ССР.

Платон ВОРОНЬКО

Слово молодого избирателя

Мне двадцать лет,
Я — избиратель.

По мне, ушедшему в поход,
Отен и мать томилась в хате,
Но заблудил я в черный год
Фашист проклятый.

За Десною
Обугленные их тела
Нашел я в роще под сосною,
Где тлела скорбящая вола,
Потом я брал с боями Шпрее,
Когда в шатающейся мгле
Гревели наши батареи
На черной вражеской земле.

Я понимал —
Словоз все напасты
Мы шли,
Рожай чужаца,
Чтоб справедливой наш власт;
Отдать сегодня голоса.

Давно остыло пепелище —
И прое бурн в тшине
Я строю светлое жилище,
Просторней прежнего вдвойне,
И, поселившись в новой хате,
Я слышу, как шумит вокруг
Москва о Первом Кандидате.

Любимый вождь, отец и друг,
Мне двадцать лет,
Я — избиратель!

Перевел с украинского Александр ОУСЛЕЙДЕР.

Евг. МОЗОЛЬКОВ

Лирик и трибун

Двадцать два года тому назад в небольшом белорусской деревне Путылковичи, недалеко от города Ушачи, происходивший выделю председателем сельсовета. Деревенская молодежь назвала имя своего вожака, секретаря комсомольской организации Петрус Бровка. В деревне хорошо знали Петрус, выходя из бедной крестьянской семьи; в детстве он за мизерную плату работал пастухом у кулака. Петрус жадно врался к свету, знания, вел за собой молодежь, горячо отстаивал интересы тружеников деревни. Крестьянам пришлось по душе эта кандидатура. Девятинадцатилетний юноша был избран председателем сельсовета.

Сейчас Петрус Бровка один из любимых поэтов белорусского народа, выдвинул кандидатом в депутаты Верховного Совета БССР. Большой путь прошел он вместе со своей страной, путь напряженного творческого труда, борьбы, роста. В 1926 году по вызову комсомольской организации Бровка едет на газетную работу в Полоцк, — здесь начинает он писать стихи. Спустя два года он студент Белорусского государственного университета.

О направлении его поэзии лучше всего говорит название одной из ранних его книг — «Дыхание будни» (1932 г.). Это стихи о социалистическом соревновании, о советской молодежи, о Красной Армии, о Ленине. В книге «Земля» (1937 г.) Петрус Бровка выступает уже, как артельный поэт с отчетливо выраженной индивидуальностью. В его стихах страстность трибуна, ораторские интонации сочетаются с глубоким лиризмом, напевностью и мелодичностью стиха. В годы, предшествующие войне, он становится одним из наиболее популярных поэтов Белоруссии.

Петрус Бровка унаследовал лучшие черты поэзии классиков белорусской литературы Янки Купалы и Якуба Коласа: искренний, глубокий патриотизм, реализм и народность. Писатель и ярко, и подкупающе теплотой рвет он внутренним миром, чувства и мысли передовых людей нашей страны. В большой поэме «Катерина» Бровка показал жизненный путь рядовой белорусской крестьянки. Дочь батрака Катерина рано узнала нужду и горе. Победа советской власти, колхозного строя принесла ей счастье; самоотверженным трудом она завоевывает всеобщее уважение, становится знатным человеком страны. Заключительные главы поэмы посвящены встрече Катерины с товарищем Сталиным в Кремле.

С первых дней Великой Отечественной войны Бровка работает в фронтовой газете «За советскую Беларусь», его стихи появляются в «Правде», печатаются по радио. Всеми своими чувствами и мыслями он с героическим белорусским народом. Замечательные качества родного народа с большой поэтической силой выразил Бровка в лучших своих стихах и поэмах: «Партизан Вумажок», «Кастусь Калиновский», «Рана», «Беларусь», «Минск», «Дума про Москву» и др. В простях и сухих словах рисует Бровка образ народного мстителя:

Как вихрь неуемный,
Он едет тути непрестанной,
Он невольно в колхозе
Он тракторной пашней колхозной,
С полудня детства
Волна по волне колхозов,
Не испугался
Новой грозной непогоды!
В ротах зела он не вестил!
Он ушел с партизанами вместе,
По всей Белоруссии
Ветер валил о нем вестил!

В самое трудное время перепет стихов Бровка уверен в победе, полны решимости бороться до конца, до последней капли крови.

Восею поэту своего не покинул
До тех пор, пока враг не уйдет за предел,
Сын растет у меня, и обаяя и смену
Все слова переветь, чем я прежде вдалел.

Возвратив вместе с Красной Армией в Минск, поэт услыхал от земляков тяжелую весть: его мать зверски замучена фашистами в Освенциме, две сестры угнаны в фашистское рабство.

Поэма Петрус Бровка «Сный Кут» написана вскоре после освобождения Минска. В ней — неистребимая воля к жизни, к борьбе, — воля, которую ничто не может поколебать, — ни скорбь о тяжелых утратах, ни сознание трудности предстоящих задач. Тема восстановления, намеченная в поэме «Сный Кут», развивается в новых

Документ великого времени

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Можно не сомневаться в том, что в годы Отечественной войны множество советских людей в армии и в тылу, в осажденных городах и в эвакуации, в одиночестве и среди многолюдного людского говора вели дневники. Их диктовала нестерпимая потребность фиксировать хотя бы для себя вехи дней истории по свежим следам ежедневных впечатлений, разговоров и раздумий. Их вели безо всякой мысли о возможности когда-нибудь поделиться с другими написанным.

Большинство этих человеческих документов так и останется неопубликованными. Прежде всего потому, что личные излияния должны обладать рядом явных достоинств и бесспорных качеств, чтобы стать печатным текстом, который интересен и поучителен для читателей. Автор дневника должен увидеть и запомнить самое существенное, и это должно быть отобрано в случайном шлеме, на который так щедро всякая жизнь. Автор дневника должен рассказать об этом кратко, высушено, свежо. Коротко же говоря, к нему предъявляются те же требования, что и к любому писателю, автору романа, повести, очерка.

Вот почему вызывает такой интерес книга Веры Инбер «Почти три года» — дневник человека, прошедшего Ленинградские три года блокады. Мне кажется, что для писателя этот интерес особенно живуч. Ведь здесь к автору невольно предъявляется уйма требований и вопросов: честно ли, верно ли, правда ли, интересно ли, умно ли?

С первых же страниц книги убеждаешься в главном: да, это — подлинный дневник, без подделки, то есть без выдуманной полноты записей всего происходящего с автором в суровые дни и ночи ленинградской блокады.

С первых же страниц ясно и другое: да, эти записи сделаны писателем, человеком ясного ума. За каждой из них стоит опыт жизненный и душевный, мастерство наблюдательности и мастерство отбора.

Героиня книги — это живое, страдальческое действующее лицо большой народной трагедии. Она абсолютно предана своему труду и, захлебываясь, рассказывает о том, как движется жизнь в блокаду. Она знает, что такое отношение к труду характерно для многих миллионов советских людей. Она юношески азартна в своей работе, как и следует всякому искреннему и творческому человеку... А где-то далеко на востоке, за ледяной Камой, у нее взрослая дочь и внученок, грудной младенец. Когда мы узнаем из дневника, что крохотная, хрупкая женщина годовалого ребенка обормотала, эти страницы нельзя читать без того, чтобы к

Вера Инбер. «Почти три года». «Советский писатель», 1946.

руками и болями, горячо бьющимся сердцем, не сдавшись мраку блокады, не заревавшись, не завопившись истощенным голосом, не бившись о пол лбом какому-нибудь деревянному истукану. Несмотря на воющее железо, на голод, на утраты близких, на тьму, на обледенелые стены жилищ, они продолжали делать свое скромное и великое дело у станков, у очагов, на дежурстве, у койки больного, на любом посту, который им и не разглядеть уже сегодня, за лямкой времени. И этим они спасли великий город Ленин. Такими же как автор — героиня книги, могли быть и действительно были и швей, и текстильщица, и артистка, и уборщица, и медсестра... Но здесь незачем перечислять все женские профессии, тем более, что такой список мало чем отличается от списка мужских.

В книге Веры Инбер много страшного, много смелого и злого, только что нанесенных ран. Все это зарегистрировано мужественно и точно, без снисхождения к читателю, но и без истерии, на которую можно было бы попасть в первую мировую войну. Проза дневника — это деловая, скромная, сухая проза.

И, наконец, еще одно. Эта книга — произведение искусства. Она могла бы обойтись и без признаков художественного мастерства и все равно осталась бы сильным документом великого времени. Но надо быть благодарным автору за то, что дышащее искусство не идет за проступит в его сухих записях.

Вот мертвый лес около какой-то железнодорожной станции, сожженный и искалеченный вражеской авиацией. «На опушке — березка. Ее кора с крапинками, скобками, штрихами и точками напоминает стенограмму. Здесь вся история ее жизни. Теперь эта запись оборвана на полуслове...»

Вот лунная ночь где-то на аэродроме. «Месец, блестящий, похожий на какую-то часть самолета: не то алюминий, не то серебро...»

И тут же рядом: «Хотелось бы написать о Балтийском флоте, о трагедии военного корабля, который все не может плавать: негде ему. Он как бы пулыл кожей в воду. Могутич броненосец, морской орел, он завидует «мелким пташкам», маленьким суденышкам, торпедным катерам, морским охотникам... Можно дать песню кораблю, полную романтики, гнева, накопленной ярости: где моря, по которым я плавал!»

Книга «Почти три года» — маленького формата, такого, что можно спрятать в карман. Средней величины повесть бывает куда больше и толще. Между тем содержание книги хватило бы на три повести и на столько же пьес. Это бытие в нашем трудном и суровом труде: маленькая, сжатая книга оказывается «томом премных тяжелых». Тут есть чему поучиться!

Иллюстрация В. Ладыгина к книге А. К. Первенцева «Огненная земля». (Детгиз).

В. ГЕРАСИМОВА

Немеркнущая молодость

Есть книги, неразрывно связанные с судьбой и жизнью автора. Они выходят за рамки обычного литературного значения, приобретая некую вторую — значительную, непреходящую жизнь.

За ровными и, казалось бы, такими обычными печатными строчками повести Александра Бойченко стоит мир великого человеческого страдания и его великого преодоления. И мужество это невозможно свести только к личным особенностям данного характера, данного человека. Источники его сложнее, глубже. Это удаляли и почитали Николая Бойченко читатели Николая Островского. Это же ошунит и переживет тот, кто раскроет повесть «Молодость» Александра Бойченко.

Повесть «Молодость» переносит нас в первые годы революции. Промежуток времени между X и XI Съездами РКП(б). Место действия Украина. Смертельная схватка трудового народа, возглавляемого коммунистами и комсомольцами, с украинской белогвардейщиной, всех мастей: с петлюровцами, жовтоблатниками, «самостийниками» и многими другими. Кое-кто из врагов втерся в рабочую среду, орудуя в ней, пытается методами «разложения» изнутри ослабить единство рабочих. Кое-кто из замаскированных даже проник в руководящие органы.

Послевоенная разруха, голод, голод душат молодую советскую страну. Неснищенности, трудности, из которых с честью выходит герой повести — коммунист и комсомолец: секретарь партийной ячейки железнодорожного узла Софрон Искров; молодой чекист Василий Бойченко, комсомолец Вадим Родина, Наташа, командир боевого коммунистического отряда Александр Яблунчик.

Без волнения нельзя читать страницы, где поплашущая в руки белобандитов комсомолка Василию Бойченко палача вырезает на груди красномаршальскую звезду.

«Вы можете заметить меня, но помните, я большевик, чекист, и нет в мире такой силы, которая заставила бы меня стать предателем», — преодолевая мучения, бросает палачам Бойчук.

Но не только боевая героиня волнует в этой книге. Автору, в прошлом рабочему железнодорожного депо, отлично известен и незаметный героизм рабочих будней, повседневная, упорная борьба с такими, казавшимися бы, обыденными трудностями. Замерзает депо; комсомольцы, залитые водой из неисправного паровозного котла, продолжают работу в обледенелых одеждах; дома почти так же холодно — нет дров, а у секретаря парткома Искрова нет даже вторых рук... Вместо чая — горячая вода, вместо заварки — ржаные корочки, самодельная, веревочная обувь на ногах...

Но, преодолевая все это, не дрогнув, не унывая, не отступив, стоит человек. Человек — ленинский, сталинский эпохи. Тот, кто отважно пошел в бой с неправдой собственного мира; кто поднимал на своих плечах пятилетки; кто, наконец, доблестным победителем вышел из всемирно-исторической битвы с фашизмом. Тот великий Советский Человек, чье мужество, воля и разум с такой силой раскрылись в самом авторе «Молодости» — Александре Бойченко. В судьбе этого писателя много общего с судьбой Николая Островского, Скелетки могут сказать: «А, опять то же!»

Александр Бойченко «Молодость», «Молодая гвардия», 1946 г.

И это будет понятно и по заслугам оценено советским читателем.

Иллюстрация А. Каменского к рассказу А. П. Чехова «Хирургия» в книге «Юмор и сатира» (Детгиз).

Бор. СОЛОВЬЕВ Мир малых чувств

В книге И. Баукова «Вторая весна» есть несколько стихотворений, обнаруживающих несомненное дарование автора, его умение переводить свои переживания, свои ощущения на язык поэтических образов — подлинных, легких, почти неуловимых и в то же время точных и неожиданных.

Весна. Утренняя грань невидима. Вырвет голубя из повети. И на пол солнечные пятна. Как листья лета, вылетит ветер.

Почему же, несмотря на ряд удачных строк и образов, книга И. Баукова в целом вызывает чувство неудовлетворения?

Большинство стихов этой книги связано с темой Отечественной войны, но лирический герой Баукова — свидетель и участник побед Советской Армии — существо словно бы сам по себе. Будто волшебной палочкой очертил он круг, за который не может переступить ни один человек, ни одно событие, не причастное к миру его сугубо интимных переживаний. Эта ограниченность, поглощенность своей собственной судьбой, своей собственной личностью приводит к тому, что герой стихов Баукова не может ничем глубоко заинтересоваться, не умеет по-настоящему осмыслить события исторического масштаба. Герой Баукова бродит по странам Европы, одинокий и непонятный, твердя о «чуждом Западе» и своей «черной грусти». Ничто не способно вывести его из состояния уныния и меланхолии, вызванного разлукой с любимой, — даже величайшие победы Советской Армии, вместе с которой он продвигается на Запад.

Каждое бы, чего мне горевать: Чужой язык, чужая страна, чужая мать. Пожар чужих кровей охватил, Чужие дети плачут у ног. Где так часты слезы, где так часто слезы, Где нет помыслов и заботы, Стоять бы мог спокойно у ног... Никто, никто меня б не осудил...

Правда, в конце этого стихотворения автор невнятно говорит, что «язык пелал — он везде один», говорит о «серебрях в груди», но сама эта декларация «права на равнодушие» ничего общего не имеет с духом наших людей. И напрасно Бауков утверждает, что «никто, никто меня б не осудил», ибо нельзя не осудить человека, который при виде неисчислимых бедствий, причиняемых фашистскими убийцами стра-

Двести лет до Берлина. До конца разлуки нашей. Любовь для него — не одно из звеньев, еще больше углубляющих связь с миром, с людьми; это для него не новый стимул

Иван Бауков. «Вторая весна». Стихи. 1941—1945 гг. «Советский писатель», 1946.

жам Европы, говорит о своем «праве» на безразличие и равнодушие!

Что общего эта «декларация» имеет с моральным обликом наших воинов, которых вели в бой и вдохновляло слова товарища Сталина:

«На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят пораженные народы Европы, подпадавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю».

Сознание своей великой освободительной миссии, гордость за свою родину, ставшую в авангарде всех свободных народов мира, — вот что вдохновляло наших бойцов. Вот что определяло их идейную высоту. И вот чего не видит и не понимает герой И. Баукова, замыкнувшись в кругу переживаний узко-личного характера.

Разве уже одно это не свидетельствует о бедности внутреннего мира героя Баукова?

Именно потому, что автор не в силах вырваться за пределы узкого, замкнутого круга переживаний и интересов исключительно личного характера, не удалось ему выразить существо Отечественной войны, дух наших бойцов, нашей молодежи, широту ее интересов, ее благородный, моральный облик. Это и определило невысокий уровень книги «Вторая весна».

Чем иным, как не чисто эстетической подражательностью, является попытка выразить любовное чувство в таких стихах:

...Когда ей станет тяжело, Вышла б она тихо за село, Где так часты слезы, где так часто слезы, Где нет помыслов и заботы, Стоять бы мог спокойно у ног... И вихорек лобной легкой, Станет слышно слово «люблю», Потому что в роле соловья Ей расскажет о любви мой.

Удачные стихи сборника тонут в груде сырого аморфного материала.

Издательство явно поторопилось с опубликованием этого скороспелого сборника. Нужно было поработать с автором и отобрать стихи по принципу: «лучше меньше, да лучше».

и вводит в текст описания таких сражений, как Абукир и Трафальгар. Этот сравнительный анализ, кстати сказать, впервые встречается в литературе об Ушакове, дает интересный результат. Ушаков, как полагает, оказывается не только равным прославленному английскому адмиралу Нельсону, но в применении основных элементов новой морской тактики явно опережающим его. При этом автор подчеркивает, что здесь не было и не могло быть никакой преувеличенности: «Искусство морского боя развивалось во времени. Никто никому не подражал».

Все это делает книгу Штромма еще более интересной и убедительной и как нельзя лучше опровергает ложность распространяемого на Западе мнения о якобы «континентальном мышлении» русского народа, о том, что Россия — не морская держава, а русские — не моряки.

Сам Ушаков горячо отстаивал свою самобытность. Штром показывает, как реагировал он на нелепые предписания начальства, приказывавшие ему учиться у англичан в дивизионе Родера. Ушаков бы яче показать Ушакова как воспитателя лично состава флота, если бы в повести были полнее изображены бытовая жизнь эскадры, жизнь тех чуждо-буржуазных ушаковцев, которые кровью своей стяжали славу Черноморскому флоту. В книге почти нет материи, и в этом — ее недостаток.

Чемез в повествование проходит цепь сражений. Их много, и все они между собой связаны. Это как бы своеобразные «действующие лица» со своим драматизмом, характером и своей судьбой. На материале боев прослеживает автор развитие военно-мор-

ской мысли в XVIII веке и таким путем скопывает одно из звеньев сюжета. Так сюжет и образно обогатывается Штромом поведением французского адмирала Вильева в двух боях. При Абукире Вильева командует арсеналом и не решаясь прыгнуть на помощь товарищам, является винником гибели французского флота. При Трафальгаре, командуя соединением франко-испанских сил, он проигрывает сражение потому, что ему самому не приходит на помощь его подчиненный — Дюмуар...

«Флотоводец Ушаков» значительно шире, чем только военная и военно-морская книга. Это — книга о морской политике России, которую в конце XVIII столетия проводил выдающийся русский человек за собственный страх и риск.

Значительное место в повести занимает Средиземноморская эпопея русской эскадры 1798—1800 гг. Международная обстановка заставила турок изменить своей традиционной-независимой внешней политике и отделиться от Франции, у которой она была в ловушке в течение многих лет. Турция вступила в союз с Россией, и в результате скли их объединились для борьбы с французами. Это был первый в истории случай совместной для обеих держав обороны Прованса. Договор об этом, заключенный между Россией и Турцией 23 декабря 1798 г., не только не нанес Порте никакого ущерба, но, напротив, немедленно дал стратегический и политический эффект.

Ушаков, находясь в Средиземном море и еще не зная о заключении этого договора, естественно, не был уверен в безопасности русской эскадры, имея Дарданеллы у себя в тылу. Хорошо зная перемещение турок и опасаясь, что недоброжелатели России могут «подбить Порту переменить мысль», он необычайно метко выразил свое мнение о Провансе: «Мы черноморских вод с турками совладелись. А чей лод, того и ворота, полагаю так!»

Будучи союзником англичан и турок, он высказывал сомнения, штурмом брал крепости и осаждал города. На Ионических островах, в Неаполе, в Риме — всюду, где он появлялся, русские, жители встречали их восторженно. Георгий Штром объясняет читателю причину этих чувств. Они были вызваны не только тем, что русские держали себя благородно и дружелюбно. К этому времени французская армия из армии-освобоительницы превратилась в захватчицкую, и население не ждало мира от ее солдат. И победы и контрибуции шли вместе с батальонами генерала Бонапарта. Русские

же избавляли мирных жителей от оккупации, от вечного страха за свой кров и хлеб. Больше того — на Ионических островах Ушаков учредил республику с выборным самоуправлением, сильно урезав при этом права местного дворянства. Это было неслыханной смелостью по тем временам.

Одновременно с Ушаковым в Средиземном море действовала эскадра Нельсона. Англичане относились к русским недоверчиво и даже недоброжелательно. Вежливо, но настойчиво пытались они назвать свою волю Ушакову, но тот так же вежливо и настойчиво отклонял притязания англичан. Он вел политику самостоятельную, и это крайне раздражало Нельсона. Георгий Штром тонко описывает сложные взаимоотношения обоих адмиралов, используя для этого новый материал.

Особый интерес представляет ультиматум о генеральном провозглашении республиканскому королю. Это дипломатическое представление русского адмирала было сделано им вскоре после разгрома Нельсоном революции в Неаполе и в связи с неслабым террором, свирепствовавшим в стране.

Большой интерес представляет также дипломатическая интрига Нельсона, которую на основании новых документов раскрывает перед читателем Штром.

Ушакову было предложено занять Рим, где находились французы, причем ему была дана гарантия, что пока русские не войдут в Венный город, туда не двинется ни одна другая армия. Но пока русский отряд сдерживался на походе, англичане приняли капитуляцию французов, после чего не только не оторвали у них оружие, но еще перебрали их на фронт против Суворова на английских военных судах.

«Бесплезная и вредная капитуляция», — написал по этому поводу Ушаков, — не составляет то, чтобы Рим освобожден был от французов, но неприятель французы освобождены из Рима и от рук войск наших».

До последней страницы повести живет в ней Ушаков. Забитый и оскорбленный императорской Россией, он покинул свой вест в родной деревеньке, мечта об одном: увидеть новую славу Отечества. И он увидел ее в 1812 году.

«Флотоводец Ушаков» — произведение патристическое, вдохновенное. Добросовестный и серьезный труд вложил Георгий Штром в эту книгу, которая, несомненно, привлечет внимание и юного, и взрослого читателя и, конечно, не только читателя-моряка.

Ю. ДАВЫДОВ Книга о великом русском флотоводеце

«Флотоводец Ушаков» Георгий Штром — книга нового, своеобразного жанра о многогранной и слабой жизни русского адмирала-новатора, орден имени которого украшает грудь многих советских моряков. Название книги вполне выражает содержание, все усилия его сосредоточены на образе адмирала — создателя нового военно-морского искусства.

Георгий Штром удалось избежать стандартного биографического повествования. Его книга — исследование и повесть в одно и то же время.

Широко привлекая досудовый архивный материал и не допуская читателю описаниями силой старинных, ее внешними эффектами и деталями, автор широкими штрихами создает могучую фигуру великого русского моряка.

Борьба новаторства и рутинизма — одна из тем этой сложной, насыщенной историческими фактами книги.

Известно, что в середине XVIII века простые и ясные военные предначертания Петра I были преданы забвению; так была утрачена петровская решительность в сухопутном и морском бою. Иностранцы, заполонившие Россию, принесли и в армию и во флот тяжелый груз окменевшей догмы. Из окменевших шаблонов в доктрину или сложилась крепость, за стены которой не смела переступить мысль военного человека. Однако уже во второй половине XVIII столетия русский национальный гений выдвинул Суворова, Ушакова, которым оказалось силу крепость эту взорвать.

Книга Георгий Штром открывается описанием Морского корпуса, где будущий адмирал задумывается над вопросом: что важнее для флотоводца — искусство или ремесло?

Двадцать лет прослужил Ушаков на кораблях и был уже капитаном бригадирского ранга прежде, чем окончательно убедился и убедил других в том, что «морская баталия» — высокое искусство. Георгий Штром

Георгий Штром. «Флотоводец Ушаков». Детгиз. 1946.

Н. ГУДЗИЙ

Хороший учебник

В советскую эпоху, в связи с общим подъемом историко-литературной науки, внимание к нашей литературе XVIII в. значительно возросло и вызвало появление немалого количества серьезных исследований.

Курс проф. Д. Благого — новый удачный опыт самостоятельного, очень удачного осмысления русского литературного процесса XVIII в. и критического пересмотра спорных вопросов, накопившихся в историографии литературы XVIII в. Книга свидетельствует не только о безупречном освоении автором материала, но и о его длительном педагогическом опыте и литературном вкусе словесника, умевшего довести до сознания читателя подлинную ценность художественного слова. Разные литературные эпохи показаны в книге в тесной и органической связи с движением исторического процесса, которому подчинена периодизация литературного процесса, и в связи с развитием других областей культуры, науки и искусства. Автор уделяет много внимания судьбам литературного языка, непосредственно связанным с судьбами литературы.

В огромном большинстве случаев творческий путь писателей прослежен в книге обстоятельно и всесторонне, характеристики их сделаны выразительно и место в литературном процессе определено правильно. При этом Д. Благого всегда помнит, что он имеет дело с художественным творчеством, специфические черты которого историко-литературные исследования не могут, не должны, не обязаны вскрыть, он по возможности старается проникнуть в художественную ткань произведения, умея хорошо полемит характерные индивидуальные черты того или иного писателя. Особенно удалось Д. Благого главы о Карамзине, Радищевском, Ломоносове, Державине, Трубецком, Карамзине, Княжине, о романах Чулкова и Эмина. Убедительны его сопоставления отдельных стилей и мотивов у писателей XVIII в. со сходными темами и мотивами, встречающимися у позднейших писателей, в частности у Пушкина и Гоголя.

Существенным достоинством книги Д. Благого является то, что в ней наглядно уясняется истинное содержание русской литературы XVIII в., насыщенной передовыми публицистическими темами. Учительское умение в ряде случаев повторить влияние на нашу литературу XVIII в. литературы западноевропейской, Д. Благого в то же время очень убедительно показывает самостоятельность путей, по которым шло развитие русской литературы в XVIII в. в соответствии с теми требованиями, которые предъявлялись ей национальной историей и живыми интересами русской современности. Мы вполне присоединяемся к тому итоговому заключению, которое автор сформулировал Д. Благом на особые его тщательного анализа особенностей литературного процесса русского XVIII в. «Литература XVIII в. явилась огромной лабораторией, в которой выработались формы нашего литературного языка, стиха, впервые ставившие почти все проблемы нашего последующего литературного развития. Именно в этой лаборатории были выработаны начала, положенные в основу того величайшего художественного синтеза, который вскоре явил нам наследник всего нашего литературного прошлого и провозвестник нашего литературного будущего — Пушкин».

Отметив большие достоинства книги Д. Благого, остановимся все же на этом на то, что в ней не вполне удовлетворяет.

В самом начале книги Д. Благого правильно указывает на то, что русская литература XVIII в. вырастает на почве, подогретой древней русской письменностью (правильнее, литературой — Н. Г.) и устным народным творчеством. Но если в дальнейшем стихия устно-поэтического народного творчества в литературе XVIII в. прослеживается Д. Благом в достаточной мере, то нельзя сказать того же относительно древнерусской литературы. Сам Д. Благого в начале повествования о XVIII в. подмечает: «Большим количеством списков старинных литературных памятников, вошедших в то-вторые, тем, что эти произведения в духе литературных вкусов и традиций XVIII в.»

Крупной фигурой, замыкающей собой литературу XVIII в., у Д. Благого является Карамзин. Между тем Карамзин едва ли не более связан с литературным процессом XIX в., чем с процессом XVIII в. Деятельность Карамзина определила собой литературное движение первых десятилетий XIX в., и юный Пушкин и его единомышленники в вопросах поэтического творчества в борьбе с отжившими традициями XVIII в. выставляли им Карамзина как знамя литературной новизны. Сам Д. Благого в начале повествования о XVIII в. подмечает: «Карамзин начал новую эпоху русской литературы» — след за этим поясняет, что «Белинский прямо на этот возможный говорить о целом большом «карамзинском периоде» в истории нашей литературы, сменившем домосовское «кижине направление» и непосредственно предшествующее пушкинскому, и что карамзинизм в большей мере предпринимал и сентиментализм Озерова и Жуковского и деятельность «Аразмаса» — «клубаби Пушкина-лишестка». Как бы то ни было, Д. Благому следовало бы указать на дискуссионность этой проблемы.

В очень содержательной главе о Ломоносове слышно много хорошего о его творчестве и о таком характерном для Ломоносова «агитационном» жанре, как «агитационный». Значительно большего внимания заслуживает лирика Сумарокова.

Едва ли правильно утверждение, что «эпоха Державина, за отдельными исключениями, по существу своему представляет полное разрушение ломоносовско-сумароковской системы», как и утверждение, что Державин «не смог... поднять новую литературную ступень» к тому же оба утверждения взаимно друг друга исключают. Вряд ли правильно говорить о неспособности Державина дать подлинно реалистическую картину действительности. Замечательный язык молодого Крылова-прозаика, стоящий ближе к языку Пушкина, чем даже язык Карамзина, заслуживает того, чтобы было особо подчеркнута его высокое качество.

Все это и другие замечания, которые сделаны здесь и могут быть еще сделаны, остаются в силе основные суждения о книге Д. Благого, как о труде, представляющем собой бесспорно значительную научную и педагогическую ценность.

Доктор филолог. наук проф. Д. Д. Благого. «История русской литературы XVIII в.», Учен. зап. К. 1946. 428 стр. Тираж 75.000. Цена 23 руб.

Сын своего времени

Памяти Виктора Гусева

Творческая биография Виктора Гусева, безмерно умершего три года тому назад, началась складываться в эпоху, когда страна приступила к осуществлению великого подвига социалистической реконструкции.

Первые стихи Виктора Гусева появились в московских журналах еще тогда, когда он был студентом Высших литературных курсов, а затем литературного факультета университета. В него двадцатых годов вышел первый его сборник — «Плохой вечер».

Одно из стихотворений этой первой книги В. Гусева предопределило будущий путь поэта. Оно называлось «Звезда моего детства».

В романтически приподнятых тонах рассказывал Гусев в этом стихотворении о судьбе маленького человека вчерашнего мира — студента сибирского университета, которому досталась «комическая жизнь»; вечно он искал на небе свою звезду, свою солнечную судьбу и скончался от запоя, но не найден. Ироническая элегия — рассказ о горестной судьбе сибиряка переходит в констатацию в мажорное, полное молодого задора утверждение новой судьбы поколения вников.

И мы являем на борьбу Идем, забывая про страх, И покоренную судьбу Несем в своих руках. Проходят дни, бегут года, Как отблески зари, И мало мной моя звезда Привлекательно горит, Она любых огней сильнее И путь у ней копошится И умирает ярком с ней Звезда моих отцов.

Уже в этом стихотворении обозначились характерные черты излюбленного жанра поэта — лирико-героического фельетона. Стихотворение «Герои едут в колхоз» написано в духе «лучшей работы по социалистической перестройке деревни». В этом излюбленном фельетоне-балладе выразил Гусев типичное явление того времени — порог самых различных слоев трудовой интеллигенции к активному участию в общественном деле. Старик актер и бухгалтер едут в деревню. Они поняли свое место в жизни и борьбе народа за будущее. И ни трудности новой работы, ни кулацкая злоба, которая может обернуться предательским выстрелом, не страшат их. Действительность приобщила их к великому подвигу, и те, кто «без сибиряка прожить не могли наверху даже дня», поставленные перед вопросом — с народом или против него — решают свою судьбу:

...мычине страна ускоряет шаг, Соучастников больше не ждём, И если один из нас враг, Другое идут в друзья, И вот они едут сквозь ночи и дни,

Конкурс на лучший короткий рассказ для детей

В 1946 году редакция журнала «Мурзилка» провела конкурс на лучший короткий рассказ для детей младшего школьного возраста.

В конкурсе приняло участие 38 авторов. Они представили 139 рассказов, из которых 8 одобренных напечатаны в «Мурзилке» за 1946 год и 5 будут напечатаны в этом году. ЦК ВЛКСМ, рассмотрев решение жюри, постановил: первой премии не выдать никому; три вторых премии, по 5.000 рублей, присудить за рассказы: М. Пришвина — «Старый грибок», К. Паустовского — «Мальчик и С. Георгиевский» — «Повесть о Галииной маме»; три третьих премии, по 3.000 рублей, присудить: В. Бианки — за серию коротких рассказов, объединенных общим названием «Лесная газета», Л. Пастернаку — за рассказ «Мостик» и И. Пантелееву — за рассказ «Буква «Т»».

ЦК ВЛКСМ разрешил редакции журнала «Мурзилка» в 1947 г. провести открытый конкурс на лучший короткий рассказ и сказку (размером до 1/4 авторского листа) на современную тему для детей младшего школьного возраста. Новый конкурс начнется с 1 марта и закончится 15 декабря 1947 года. ЦК ВЛКСМ утвердил жюри конкурса в следующем составе: В. Семенов (председатель), С. Маляш, С. Михалков, А. Барто, К. Федин, К. Воронков, Л. Дубровина, В. Губарев. Установлено девять премий: одна первая — 10.000 рублей; две вторых по 5.000 рублей; шесть третьих по 3.000 рублей.

Иллюстрация Б. Шварца к книге А. С. Грибоедова «Горе от ума» (Издательство «Искусство»).

ДРАМАТУРГИЯ НАРОДОВ РСФСР

В конце декабря в Союзе советских писателей состоялся конференция-семинар драматургов из областей и автономных республик РСФСР. В итоге конференции мы познакомились с несколькими пьесами, которые могут обогатить репертуар театров Советского Союза.

Анатолій ГЛЕБОВ

Образы женщины-колхозницы во всей советской драматургии.

Ценным свойством Амра как драматурга является то, что он не избегает показа трудности. Наоборот, в преодолении их раскрываются во всей полноте характеры его героев. В обеих пьесах рассказаны блестящие чудесного, теплого юмора. Если «Миникама» — несколько суровая реалистическая пьеса, то «Песня жизни» — настоящая песня, приподнятая, оживленная. Только подлинно талантливой рукой могла быть написана сцена, где Фатима слышит посвященную ей песню, которую сложил ее муж на фронте. Муж, которого нетерпеливо ждет Фатима, погибает. Но жена его песня, живая Фатима, живая радость победы и жизни, и удивительным тактом автор в эту минуту даже для поверженной горем Фатимы создает перспективу, возможность счастья.

Жизную сегодняшнюю тему взял и кумышский драматург А. Курбанов. Сюжет не нов, и не в нем ценность пьесы «Любовь Асият». Как Асият, героине пьесы, возвращается ее жених, потерявший на фронте зрение. Он не хочет стать бременем для любимой и, впервые солгав ей, говорит, что полюбил другую. Однако любовь Асият так велика, что она, поняв ложь, преодолевает все препятствия, и пьеса заканчивается счастливым браком. В руках талантливых авторов подобные сюжеты не раз уже превращались в слабые, сентиментальные, фальшивые пьесы. А Курбанов сумел заполнить образ Асият искренним, теплым, живой заботливостью, чудным какой бы то ни было фальши или «дикириком». Нельзя не верить в реальность Асият, ее чувства, ее национального характера. Хорошо очерчены в пьесе и все другие образы, даже эпизодические. Пьеса сценарная, написана живым языком. Как и все пьесы Амра, она имеет бесспорное право на распространение за пределами республики, где она родилась. Нужна лишь некоторая доработка в деталях и хороший перевод на другие языки, прежде всего на русский.

Колхозница Миникама, после убийства кулаками ее мужа ставшая колхозником, потом дояркой, полевиком и, наконец, председателем колхоза, так же, как и Фатима, героиня второй пьесы, окончившая среднюю школу и продолжающая работать в колхозе культурно-поповому, — это образы сегодняшнего дня. Я беру на себя риск утверждать, что это наиболее убедительные

Они еще очень слабы. Но в их отдельных стихах они Учатся жить, борются... Острым ощущением главного в жизни, быстрой и взволнованной реакцией на события отличается творчество Гусева тридцатых и сороковых годов. Перелистываешь сейчас страницы его сборников, читаешь пьесы, вспоминаешь фильмы, поставленные по его сценариям, и все они сливаются воедино, как своеобразный дневник-отклик на важнейшие события эпохи.

В составе литературных и журналистских бригад В. Гусев колесил по стране, работал на крупнейших новостройках первой и второй пятилетки. Он был частым гостем в казармах и лагерях Красной Армии. Он был подлинным сыном своего времени, разносторонним литератором, активным общественным деятелем. Его стихи и статьи можно было встретить и в заводских многотиражках и в ротных стенных газетах. Перед Гусевым, как умным и пытливым художником, открывались широкие горизонты узловых тем времени, людские типы и характеры.

Гусев стоял на особом месте среди своих сверстников-поэтов. Есть у него своя манера, свой подход к характеру и композиции произведения, есть своя, только ему присущая интонация. И с точки зрения избранного Гусевым жанра оправдано и то, что его стихи всегда стоят на грани жанровой прозы, что герои их раскрываются в поведении в данный момент, в данной ситуации, без экскурсов в психологические мотивировки, без попыток раскрыть характер в глубокой динамике его становления.

Далеко не все, написанное Гусевым, пережило автора. Но Гусев ушел из жизни в самом расцвете творческих возможностей, когда только только пошла пора поэтического возмужания. И великопечальные качества подлинно советского поэта, драматурга и сценариста — огромная продуктивность, острое политическое чутье — несомненно позволили бы ему создать еще много сильных и значительных произведений. Временем проверяется место поэта в действительности. И то, что до сих пор советские люди поют песни Гусева, читают его с экранов и по радио его лучшие стихи, то, что только в нынешнем году возобновлена постановка на многих сценах его пьесы «Слава» и до сих пор советские зрители смотрят другие его пьесы и картины, поставленные по лучшим его сценариям, убедительно говорит о том, что за долговую эпоху жизни в литературе Гусев оставил в ней заметный след, что его взволнованные, патристические произведения продолжают быть острым оружием утверждения нового.

Там, где боролись молодогвардейцы

На днях в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» состоялся просмотр документального короткометражного фильма, посвященного героической комсомольской организации Краснодарца «Молодая гвардия» и ее деятельности в Краснодаре. Это и сегодняшний Краснодар. «...Вот член подпольной организации Нина Иванова ведет экскурсантов по историческим местам. Она показывает арсенал, где молодогвардейцы хранили оружие, стену здания немецкой биржи труда, разрушенную Сержей Тюленевым с целью спасти земляков от урона в немецкое рабство, комнату Вани Земнухова, любовно оберегаемую родными, музей «Молодой гвардии», в котором собраны документы, оружие и портреты героев, школу имени А. М. Горького, у входа которой установлена мемориальная доска с именами молодогвардейцев, ушедших в этой школе. Показан и лучший ученик этой школы, замещающий сейчас парту Сержи Тюленева».

Затем Нина Иванова проводит экскурсантов к черной пасти шурфа, превращенной немцами извергами в могилу героев. В последующих кадрах кинооператор Анатолий Никифоров показывает восстанавливающийся Краснодар и в частности, школу «2-БИС» имени «Молодой гвардии», восстановленную молодежью и все время первопроходившую производственную программу.

Во второй части кинохроники заснята читательская конференция посвященная роману А. Фадеева «Молодая гвардия». В первых рядах кресел — родители погибших героев.

В ближайшее время картина будет демонстрироваться на экранах страны.

«Люди с чистой совестью» на сцене

За маленьким круглым столом, у лампы с цветным абажуром оживленно беседует группа людей. Если вслушаться в их слова, воображение постепенно перенесет нас на уютное театральное ложе на широкой лесенке подлунья. «...Война Красной Армии, победившая в окружении в тылу врага, стоившая в лесу до казним-то старым. Они сжигали отсюда свои и своим на депу. Но старик улетает раскатыть их враздвоем поворотности. Оказавшись, что — Кошач, мы им уже невесте всем советским патриотам, отныне дебетивным в духе оккупационной немцами Украины. Мит — на ретивости пьесы М. Вергинова «Люди с чистой совестью» в Московском театре им. Ермоловой. Роль Кошача исполняет артисту Ю. Черноволетку. Зрители хорошо помнят его в образе инженера Березина и «сказки» «Далеко от Сталинграда». Сейчас постановщики — лауреат Сталинской премии, заслуженный деятель искусств — Лобанов режиссер В. Комиссаржевский — разрабатывает артисту Ю. Черноволетку отнюдь не самую простую роль картины — встречу Кошача с разведчицей. Это — завязка пьесы.

«Люди с чистой совестью» — не просто инсценировка одноименной пьесы. М. Вергинова создал по материалу своего лирико-эпического произведение. Пьеса охватывает историю жизни писателя партизанского отряда с момента его возникновения вплоть до выхода на Карпаты. В финале пьесы — Сербская операция, вечающая прощание с «Сталинский рейд» Кошача. Автор показал, как в процессе роста отряда формируются и сознание его участников, бодрость и волепригодность. Основные герои пьесы знакомы нам по повести: это — Руднев (артист Е. Соловьев), Карненко (артист Д. Филейский), Вязьма (артист С. Гулянский). Многие характеры, в повести только намечены, в пьесе значительно обогащены, как, например, Коля Мудрый, роль которого исполняет артист С. Гулянский, и артист В. Якут. Есть в пьесе два ярких женских образа — разведчица Катюша (артистка О. Николаева) и юная фигура — крестьянская девушка Мотря, ее играет лауреат Сталинской премии Л. Орланская.

Режиссеры А. Лобанов (справа) и В. Комиссаржевский (в центре) обсуждают сцену из пьесы с исполнителями — Ю. Черноволеткой и Л. Орланской. Фото Е. Тиханова.

В союзе советских писателей СССР

Крымское подполье

И. А. Козлов — старый большевик с большим опытом подпольной работы во времена царизма и в годы гражданской войны. Этот опыт помог И. А. Козлову в период немецко-фашистской оккупации Крыма успешно руководить партизанской подпольной организацией.

В условиях постоянной слежки, облав и арестов не было возможности вести какие бы то ни было дневники или записки. Все надо было держать в памяти. Она, главный образ, и вырвала И. А. Козлова после войны, когда он начал писать большую книгу «Крымское подполье», над которой работал около двух лет.

В книге нет ни одного выдуманного факта, даты, персонажа, — рассказывает автор. — Я писал ее для редакции Истории Отечественной войны. Но мысль о том, что моя книга может быть полезной и для более широкого круга читателей, для нашей молодежи, заставила меня прибегнуть к живой повествовательной форме. Не только по воспоминаниям, но и по сохранившимся документам я даю в виде очерков представление о деятельности подпольных организаций, в частности о работе Крымской комсомольской подпольной организации, работавшей с ноября 1941 года, т. е. с первых дней оккупации немцами Крыма.

Книга И. Козлова вызвала большой интерес писателей.

— Это интереснейшее произведение, несомненно, послужит поводом для серьезного литературного разговора, — сказал Л. Сувойкин, открывая в клубе писателей вечер, посвященный обсуждению рукописи И. А. Козлова. — Воспоминания дают целостную картину работы партизанского подполья в дни Отечественной войны. У нас появилось несколько книг о партизанском движении, где показана организующая роль партии. Но здесь речь идет о другом. Здесь рассказывается о том, как подпольная партизанская организация обелила вокруг себя рядовых советских людей, преданных интересам своего государства. Она ярко и убедительно говорит о том, что для советских людей, воспитанных социалистическим строем, не было другого пути, кроме борьбы с немецкими фашистами.

Высокую оценку книге дала А. Караваева.

— Автор, — говорит она, — рассказывает о том, как в естественном ходе событий рядовые советские люди выдвигаются на передовую линию огня, самоотверженно борются и, если нужно, погибают за родину. И их борьба и самая гибель воспринимаются, как торжество силы духа советского человека. Прочитав эту книгу, многие поймут, в чем заключалось то самое «чудо», которое помогло нашему народу завоевать победу в Отечественной войне.

— Документальная историческая досто-

У писателей Ленинграда

Книга А. Козлова о крымском подполье

верность книги Козлова, — подчеркивает С. Трегуб, — делает ее особенно убедительной. Она показывает замечательные свойства советского народа, его идейно-политическое единство и сплоченность в борьбе с врагами родины.

В обсуждении рукописи И. А. Козлова приняли участие В. Гоффенштейн, А. Велкин (редакция Истории Отечественной войны), Е. Левковская, Б. Закс (журнал «Знамя»), В. Швейцер, А. Карцев, подполковник Е. Поповкин и др.

„Закон зимовки“

Новая пьеса Б. Горбатова «Закон зимовки» написана по мотивам его книги «Обыкновенная Арктика». Действие ее происходит в 1940—41 гг. на одном из островов Дальнего Севера, где советские люди строят военный порт.

Тема пьесы — мораль советского человека, взаимоотношения людей в коллективе. На днях Б. Горбатов читал свою пьесу в клубе писателей. Пьеса в целом получила положительную оценку участников обсуждения. По мнению большинства выступивших, автор отошел от обычных драматургических шаблонов, сумел воспроизвести реальные сложности, трудности жизни.

— В «Законе зимовки» — главное то, — сказал В. Кожеников, — что здесь убедительно показана духовная сила советского человека. Это пьеса о побеждающей социалистической нравственности.

В заключительном слове Б. Горбатов поделился своими соображениями о замысле пьесы, об образах ее отдельных персонажей.

Творческий отчет поэта

На очередном собрании секции поэтов состоялся творческий отчет Александра Коваленкова. Поэт читал стихи из книг: «Июньский день» и «Стежки-дорожки», а также 15 новых стихотворений из будущей книги «Семь холмов».

Большинство выступивших в прениях — М. Зенкевич, А. Барто, М. Голынский, М. Шубин, В. Перлов, В. Инбер, А. Яшин — отметили тщательную работу поэта над каждой строкой, точное поэтическое зрение. Но те же товарищи подчеркивали статичность и сосредоточенность многих стихов А. Коваленкова. Описание природы, пейзаж, поэтика в творчестве поэта. Он любит, остро чувствует и хорошо видит природу, но в его стихах нет больших раздумий, они часто ограничиваются только пейзажами.

А. Коваленков в своих более поздних стихах сам находит органичный выход из некоторого оцепенения и сосредоточенности ранних стихов. Этот выход — в более глубоком осмыслении окружающего мира, нашей советской действительности. Об этом убедительно говорят такие стихи Коваленкова, как «Река», «Окно», «Часы», «Подмосковное», «Снегирь», единодушно одобренные участниками обсуждения.

Русские пьесы на узбекском языке

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.). Узбекскими писателями проведена большая работа по переводу на узбекский язык лучших русских современных драматургических произведений.

Лауреат Сталинской премии поэт-академик Гафур Гулям перевел пьесу В. Маяковского «За тех, кто в море!». Пьеса по-

ставлена Узбекским академическим театром драмы им. Хамзы и пользуется большим успехом у зрителей.

Писатель Маруф Хакимов перевел пьесу Б. Чиркова «Победители», поэт Эмильжан Аббасов — пьесу А. Сурова «Далеко от Сталинграда».

выбрал много яркого, зрелищно увлекательного, но этой внешней увлекательностью, особенно, и ограничился. Для самых маленьких зрителей, впрочем, и эта сказка — хороший подарок. По своим формальным качествам пьеса Тауаева свидетельствует о том, что мы имеем в его лице несомненно одаренного драматурга.

К сожалению, полное фиаско потерпел автор «Песни Даханого» Аксиров, взявшись за современную тему. Его пьеса «С восходом солнца» почти буквально воспроизводит сюжет инкогнито пьесы Б. Райтнова «Ровно в полночь». Она далека от подлинной жизни, обнаруживает незнание автором реальной обстановки Отечественной войны, написана наспех, небрежно. Так овладевает современной темой пьеса.

То же следует сказать о пьесе драматурга С. Ермолина (коми) «Молодые патриоты». Скопирован сюжет «Молодой гвардии» А. Фадеева, автор сделал это столь небудетливо и нехудожественно, что пьеса подверглась на конференции единодушному резкому осуждению. Пьесу Ермолина, как и пьесу марийского драматурга С. Николаева «На берегу Илеть», изборающую трудовые подвиги лесорубов в дни Отечественной войны, отличает полное отсутствие характерного для данных национальностей обаяния и характеров. Можно, ничего не меняя, перенести действие в другую среду. С. Николаев подметил, впрочем, в жизни подлинно-современную комедийную ситуацию: конфликт любящих друг друга пожилых супругов, поппавших в разные, соревнующиеся одна с другой бригады. Но это живое зерно не проросло: его заглушила сорная трава шаблонных ситуаций и образов. Шаблоны, сер и язык пьесы.

Если у Амра Курбанова и Аксарова (в «Песни Даханого») национальный элемент их творчества органически слит с советским, социалистическим содержанием, то у марийского драматурга М. Петрову нужно предельно в этом отношении самая серьезный упрек.

В основу пьесы «Старый Мулташ» он

МОМЕНТАЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ

Прохладный спаложник

Он всегда одет с иголочки, Как по ипотечке пробор, Написал сценарий «Елочка» (Что-то детское, про бор).

Деловит до чрезвычайности, Сел за стол, нахмурил бровь, Ба! Сценарий «Две случайности» (Север! Остров! Труд! Любовь!).

Отлавил голос медью, Профиль прямо из Афин, Из трагедии в комедию Он ныряет, как дельфин.

И пока страдал деточка, А зивонки слали SOS, Мультирево «Осел на веточке» Он строчил уже вассос.

Трах! О юге сочинение (Пальмы! Солнце! Шторм и шторм!), В Гаграх больше, в Сочи меньше На курортах побывал.

Отношения разговорные Он умеет, как никто, В отнюдь договорные Превращать на дню раз сто.

Знают все размах руки его, И со всем он на ты — В студиях Ваку и Кива, Свердловска, Аля-Аты.

Он всегда блондин с блондинями, А с брюнетками — бронет, Верен принципу одному Собирателя монет.

Новостройки белорусские, Темы дружны и любви, Гребля, войны франко-прусские... Эй! Держи его! Леви!

Стратегически неизменные Все клеит его фолье Довоенные, военные И послевоенные.

Ведь, обемля необитное, Соблюдая свой расчет, Социальные неприятные Он тачает и счет.

И, хотя блещит манжетам, Да и весь, как новый грош, Не блещает он сюжетам И диалогам тож.

Он с любовью темой встретится, Заплывали бы сплота, Так и лесу гиблишка светится, Но тепла не даст она.

СТОЛЕТИЕ ГРУЗИНСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

ТБИЛИСИ. (От наш. корр.). В декабре 1946 г. исполнилось 100 лет для основания государственной публичной библиотеки Грузинской ССР им. К. Маркса.

Это одно из самых больших книгохранилищ Союза. Библиотека, которая сейчас насчитывает свыше 1.700.000 томов, основана выдающимися грузинскими поэтами и общественными деятелями первой половины XIX века: Н. Бараташвили, Дав. Квицини, Вахтангом и Григорием Орбелиани и др.

В фондах библиотеки хранятся уникальные издания на различных языках мира, ценнейшие рукописи и архивы, богатая коллекция книг классиков марксистской литературы.

В помещении библиотеки, которая справедливо считается одним из самых красивых архитектурных зданий Грузии, состоялся торжественный вечер и научная конференция. В залах библиотеки были выставлены научные труды библиотеки, редчайшие книги, фотоснимки и материалы, отображающие рост библиотеки.

БАКАУНЕ КОБИЛЕЯ НИЗАМИ

БАКУ. Общественность Азербайджана готовится широко отметить 80-летие со дня рождения великого поэта и мыслителя XIX века Низами. Председатель республиканской юбилейной комиссии действительный член Академии наук Азербайджанской ССР Мирза Ибрагимов сообщил:

— Празднование юбилея Низами — большое событие в культурной жизни азербайджанского народа. Ученые Азербайджана, Москвы и Ленинграда, художники, композиторы, писатели ведут исследования, пишут произведения, посвященные эпохе великого поэта. Готовится академическое издание произведений Низами. Институт литературы Академии наук готовит к печати сборник научных трудов о Низами и его последователях.

Расширяется музей Низами, расположенный в одном из красивейших зданий города. На центральной площади перед музеем будет установлен памятник Низами.

НОВЫЕ КНИГИ

Вышел в свет сборник «Русские писатели об Армении» (на армянском языке). В книге помещены высказывания Н. Карамзина, А. Радищева, А. Грибоедова, Д. Давыдова, С. Глинки, В. Брюсова, М. Горького, Н. Тихонова, М. Шагинян и других. Составитель сборника С. Аронян и Н. Туманян.

В серии «Армянские истории» вышла книга Египсе «История Вардананов». С древнеармянского языка (гравар) на армянский литературный язык (ашхарбар) книгу перевел проф. Е. Тер-Минасян.

Вышел второй том исторического романа Деренкиа Демирчяна «Вардананов».

Сборник стихов Согомона Терпича «Песнь Давида» вышел из печати. Книга включает четыре отдела — «Моя родина», «Море глаз», «Баллада и легенда» и «Песнь Давида».

В переводе А. Хонджаряна вышла на армянском языке первая книга трилогии Алексея Толстого «Жождение по мухам».

Тиражом в 5.000 экземпляров выпущен сборник комедий Шекспира. Переводы на армянский язык сделали с подлинника Х. Даштени и В. Терзибян.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, В. КОЖЕВНИКОВ, А. МАКАРОВ (зам. главного редактора), В. САМИРОВА, А. ТВАРДОВСКИЙ.